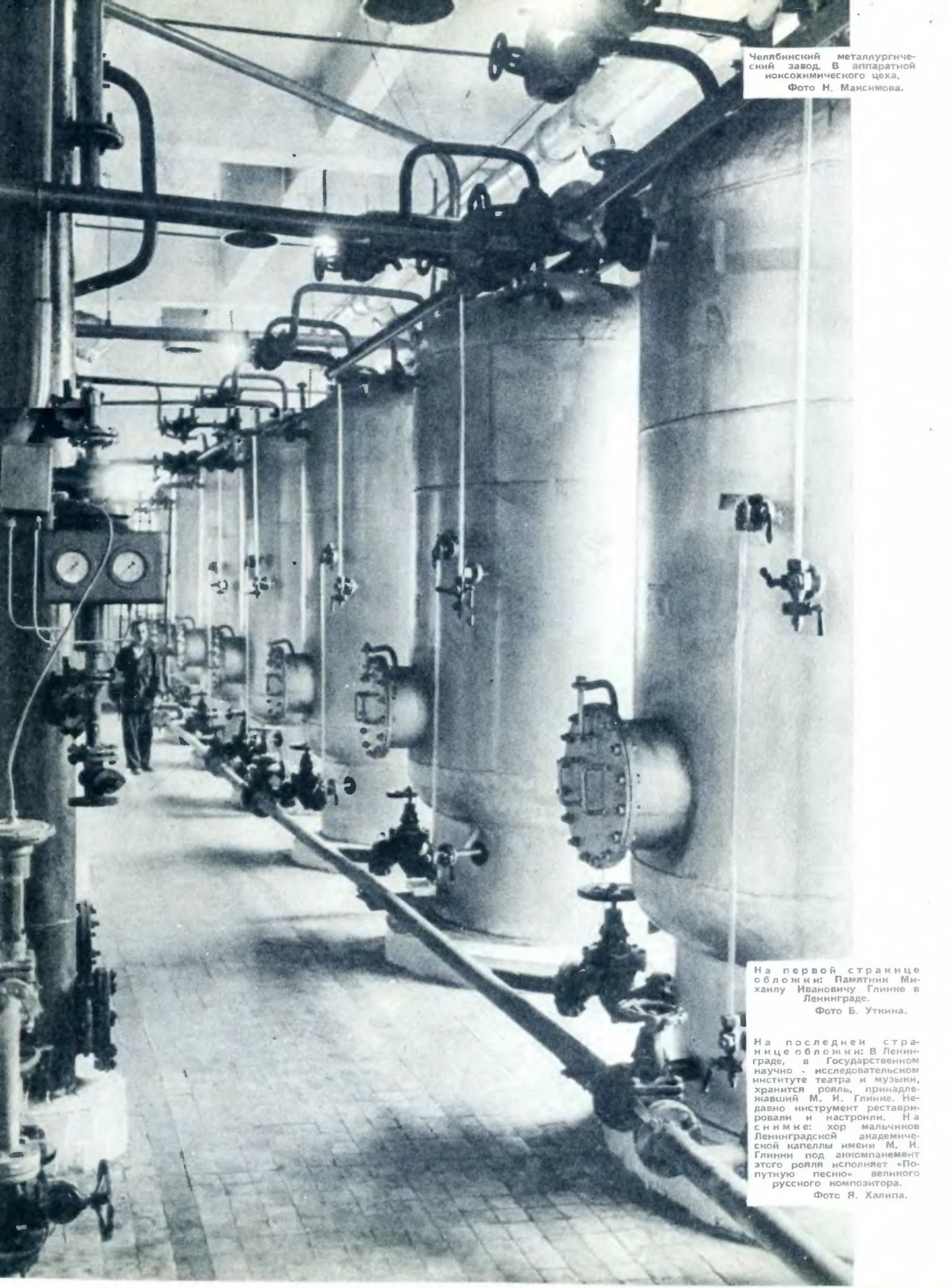

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МИХАИЛУ
ИВАНОВИЧУ
ГЛИНКѢ
1804–1857

Челябинский металлургический завод. В аппаратной коксохимического цеха.
Фото Н. Максимова.

На первой странице обложки: Памятник Михаилу Ивановичу Глинке в Ленинграде.
Фото Б. Уткина.

На последней странице обложки: В Ленинграде, в Государственном научно - исследовательском институте театра и музыки, хранится рояль, принадлежавший М. И. Глинке. Недавно инструмент реставрировали и настроили. На снимке: хор мальчиков Ленинградской академической капеллы имени М. И. Глинки под аккомпанемент этого рояля исполняет «Попутную песню» великого русского композитора.
Фото Я. Халипа.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 7 (1548)
10 ФЕВРАЛЯ 1957
35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Привет строителям!

Все больше «железных аистов» поднимается над крышами городов и поселков. Строительные краны стали в наши дни неотъемлемой деталью пейзажа: страна ведет гигантское промышленное, жилищное и культурно-бытовое строительство, в котором занята огромная армия рабочих и специалистов — около 5 миллионов. С каждым годом они все шире применяют сборный железобетон, конструкции и детали заводского изготовления, в распоряжение строителей поступает все больше современных машин и механизмов.

Особенно знаменательны успехи московских строителей. За три десятилетия в столице жилая площадь удвоилась. О размахе, который приобретает сооружение жилищ, красноречиво говорят следующие цифры: в минувшем году введено в строй 1 360 тысяч квадратных метров жилья, а всего в шестой пятилетке должно быть построено более 11 миллионов квадратных метров жилой площади.

Все это — свидетельство заботы партии и правительства о благе трудящихся. Созидательный труд тех, кто возводит жилища и предприятия, достойно оценен: 2 260 московских строителей награждены орденами и медалями. Двенадцати лучшим строителям присуждено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Горячий привет московским строителям!

Собрание строителей Москвы во Дворце спорта. Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручает орден Трудового Красного Знамени представителям треста «Строитель».

Фото А. Гостева.

Павлу Васильевичу Афонину — экскаваторщику треста «Мосстроймеханизация» № 1 Главмосстроя — присвоено звание Героя Социалистического Труда. Товарищи по работе сердечно поздравляют Павла Васильевича.

Фото И. Тункеля.

ШЕСТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. Депутаты слушают доклад Первого Заместителя Председателя Совета Министров СССР, Председателя Госэкономкомиссии М. Г. Первухина.

Избранники всех народов многонационального Советского Союза собрались на шестую сессию Верховного Совета СССР. Особое значение этой сессии определяется тем, что созвана она в те дни, когда страна подвела итоги первого года шестой пятилетки, когда все труженики охвачены социалистическим соревнованием в честь 40-летия Великого Октября.

Разносторонние вопросы обсуждает сессия Верховного Совета. Прежде всего это вопрос о плане развития народного хозяйства и Государственном бюджете СССР на 1957 год. В повестке дня сессии — передача в ведение союзных республик некоторых вопросов законодательства и административно-территориального устройства, утверждение Положения о Верховном Суде СССР и избрание Верховного Суда, утверждение Указов Президиума Верховного Совета Союза ССР. На обсуждение сессии вынесены вопросы международного положения и внешней политики Советского Союза.

Сессия Верховного Совета ярко подтвердила, что существуют все необходимые условия не только для выполнения, но и перевыполнения государственного плана на 1957 год во всех отраслях хозяйства СССР. Это явится новым крупным вкладом в дело строительства коммунизма в нашей стране.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Новикова.

↓ В зале заседаний.

Перед началом заседания. Посланцы Северной Осетии (слева направо): учительница А. А. Шапошникова, доярка З. Б. Фардзинова и заместитель председателя Совета Министров Северо-Осетинской АССР Т. С. Хетагурова.

ПОБЕДА ФРОНТА НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Прошлое воскресенье в народной Румынии было большим праздником: румынский народ избирал верховный орган власти страны — Великое Национальное собрание. В выборах участвовало более 99 процентов общего числа избирателей. Свыше 98 процентов избирателей, участвовавших в голосовании, отдало свои голоса за кандидатов Фронта народной демократии.

Голосуют Герой Социалистического Труда РНР Штефан Лунчу и его семья.

Первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии товарищ Георгиу-Деж и Председатель Президиума Великого Национального собрания товарищ Петру Гроза среди избирателей в Бухаресте.

Избиратели приветствуют Председателя Совета Министров РНР товарища Киву Стойка.

3 марта — выборы в местные Советы

МОЛОДОЙ ГОРОД И ЕГО СОВЕТ

М. ГРИНЕВА

Фото Б. Кузьмина.

Городу исполнился год, и он готовится к своим первым выборам в городской Совет.

Нам трудно было представить, чтобы за один год могли произойти большие изменения. Казалось, переименовали поселок в город, картографы поставили маленькую точку между Белгородом и Курском — вот и все...

На автобусной остановке кондукторша оповестила:

— Приехали, граждане, КМА!

— Нет, нам до Губкина...

— Ну, я ж и говорю, Губкин... КМА...

С этого непонятного слова коечто и стало проясняться. КМА — Курская магнитная аномалия — то самое место, где стрелка компаса начинает метаться, точно указывая: «Здесь, здесь ищите!»

...В тридцатых годах на холме, где сейчас купаются в дыму фабричные трубы, в землю вошли первые буры и энтузиаст КМА академик Иван Михайлович Губкин с волнением взял в руки первый керн — цилиндр, выточенный буром в толще руды.

...Сейчас все это славная, но уже далекая история. Люди проникли в железную кладовую и построили здесь единственный пока в зоне аномалии комбинат «КМАруда» — сердце нынешнего города Губкина. В домны Тулы и Липецка пошел агломерат — пирог из железной руды с известняком.

Познакомиться с городом — это значит прежде всего познакомиться с рудником. Здесь, на глубине в 250 метров, нам встретился депутат Губкинского Совета геолог рудника Юлия Павловна Петренко. В пещере с твердыми, матово поблескивающими сводами горело несколько шахтерских фонарей. Девушка что-то горячо втолковывала группе шахтеров.

Вместе с начальником рудника, тоже совсем еще молодым человеком, она повела нас по штреку, и оба, увлекаясь, рассказывали о том, сколько руды будет давать со временем месторождение КМА, какие мощные рудники вступят в строй в ближайшее время, почему нужна вторая очередь ТЭЦ. О будущем они говорили много и очень свободно, словно речь шла о привычных, повседневных делах шахты.

Депутат Ю. П. Петренко в шахте.

Но будущее «приблизилось» и для нас, когда мы посмотрели город.

— Вот здесь, где Дворец культуры, после войны еще поле было, а вон там, возле нового детсадика, мы сравнительно недавно огороды сажали... На столовую не смотрите: другую строим, вон кирпичные стены... Эх, жалко, не летом вы приехали! Гостиницу-то к маю сдаем...

Представитель второй после горняков почетной профессии в городе Губкине строитель Раиса Дмитриевна Лукьянчикова, депутат горсовета, всего два с лишним года как окончила в Курске строительный техникум. Она пришла мастером на участок и успела принять участие в строительстве школы-десятилетки, четырех кварталов жилых домов, детского сада...

Что же еще построено здесь после прошлых выборов?

Лукьянчикова загибает пальцы:

— ТЭЦ, асфальто-бетонный завод, три общежития для рабочих, техническое училище, профилакторий, индивидуальные дома. А достраиваем гостиницу, кинотеатр, стадион. Может, хотите на городском транспорте проехать? Пожалуйста, московский автобус по двум маршрутам ходит. Пресса своя есть: уже три номера многотиражки вышло.

Раису Дмитриевну выбирали в поселковый Совет, всего год назад ставший городским, те самые рабочие, с которыми и для которых она строила. И теперь она смотрит на свое дело уже не только взглядом строителя, но и депутата:

— Профессии здесь у нас нелегкие, надо, чтобы люди были здоровые, жили с удобствами. А важнее всего сейчас жилье, жилье, жилье. Ну, и, конечно, как во всяком городе, где много молодежи, детские учреждения!

Мы увиделись с самыми маленькими горожанами. Сопровождать нас взялась Валентина Георгиевна Астáнина — домашняя хозяйка, депутат и член санитарной комиссии горсовета. В яслях залитые солнцем спальни, четыре отдельных входа, чтобы исключить возможность инфекции. Дети, как и все дети, веселые и потешные. Валентина Георгиевна берет на руки свою маленькую тезку Валю.

Потом уже она рассказывает нам свою историю. В 1942 году в Старом Осколе во время фашистского налета погиб муж, а через несколько месяцев в ее отсутствие дети принесли откуда-то мину, и, возвратившись, помертвевшая от горя женщина узнала, что у нее больше нет сына и дочери. Ребенок, который родился вскоре после этого, прожил всего месяц...

Для каждого, кто придет к Валентине Георгиевне, она находит теплые слова, каждому, если только в силах, окажет помощь.

Губкин — город небольшой, у депутатов здесь нет приемных. Люди приходят запросто на дом. В воскресенье к начальнику Лебединского рудника Николаю Михайловичу Шумейко пришел старший машинист компрессора Овчинников.

— Надо поговорить, Николай Михайлович! С женой у меня плохо. Путевка нужна. Придется уж тебе как депутату...

Депутат В. Г. Астанина в яслях.

Николай Михайлович знает, что «придется», — люди его выбирали. Зато, если уж депутату нужна общественная поддержка в каком-нибудь важном для города мероприятии, он ее получит.

Губкинцы много делают для своего города, любят его. Но завтрашний день города там, где сейчас пригород с лирическим названием Лебеди. Экскаваторы вгрызаются в мерзлую глину, убегают с холма в котлован припорошенные трубы гидроустройств, похожие на гигантский ксилофон; взрывники вбивают колышки и ставят флажок: «Опасно!» Идет так называемая «вскрыша» — снятие верхних пластов — на новом Лебединском руднике, где будут открытым способом брать богатейшую руду. Через несколько лет Лебеди сольются с городом и возникнет один большой промышленный центр.

Скоро март, выборы... Расцвету молодого города будет помогать уже новый городской Совет.

НАГРАДЫ ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД

Московская область удостоена второй высокой правительственной награды. Она награждена орденом Ленина за высокий уровень производства продуктов животноводства на 100 гектаров пашни, лугов и пастбищ и увеличение сдачи государству сельскохозяйственных продуктов.

Отмечены и многие передовики сельского хозяйства области: орденами и медалями награждены 2 383 человека. За выдающиеся успехи в подъеме животноводства присвоено звание Героя Социалистического Труда восьми передовикам сельского хозяйства.

Два Героя Социалистического Труда — председатель колхоза имени Владимира Ильича И. А. Буянов и председатель колхоза имени Сталина Ф. С. Генералов — награждены второй золотой медалью «Серп и Молот».

На торжественном заседании Московского областного Совета депутатов трудящихся и областного комитета КПСС К. Е. Ворошилов вручил орден Ленина Московской области. Правительственную награду приняли первый секретарь обкома КПСС И. В. Капитонов, доярка колхоза имени Сталина Герой Социалистического Труда К. М. Лощенова, заместитель председателя Мособлисполкома И. М. Скачков.

На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручает вторую золотую медаль «Серп и Молот» Герою Социалистического Труда председателю колхоза имени Сталина, Луховицкого района, Ф. С. Генералову.

Фото А. Гостева.

Москва, Кремль. 2 февраля 1957 года. После подписания Советско-Финляндского Коммюнике.

Фото Я. Рюмкина.

В СССР по приглашению Советского правительства находились с дружественным визитом Премьер-Министр Финляндии К.-А. Фагерхольм и сопровождавшие его лица. Представители Финляндии вели беседы с руководящими деятелями Советского государства. Беседы проходили в дружественном духе и закончились подписанием Советско-Финляндского Коммюнике, которое укрепляет добрые отношения, существующие между нашими государствами.

6 февраля К.-А. Фагерхольм и сопровождавшие его лица отбыли на родину.

К.-А. Фагерхольм посетил московскую кондитерскую фабрику «Красный Октябрь».

Тепло встречают в дружественной Индии Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. На снимке: жители столицы Индии Дели приветствуют гостя из СССР.

МАРШАЛ Г. К. ЖУКОВ В ИНДИИ

Во время пребывания в Индии Маршал Г. К. Жуков нанес визит Министру обороны Республики Индии д-ру К. Н. Катджу. На снимке: К. Н. Катджу, Г. К. Жуков и Посол СССР в Индии М. А. Меньшиков.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Генрих БОРОВИК
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ЯН

Все эти события произошли в той самой деревне, которую вы видите на верхней фотографии. Называется она Яншуфан. Дома в Яншуфане каменные, потому что кругом горы, много каменоломен. Речка, что течет вдали, называется Пуян. Хоть она и маленькая, мелкая, но весной доставляет яншуфанцам массу хлопот. Крестьяне поэтому прозвали ее «Пуян-море». Деревня небольшая — немногим больше ста дворов. Вернее, не дворов, а семей, потому что в каждом каменном доме живет по нескольку семей и двор у них общий. Поля вокруг в основном рисовые, а вдали, за рекой, сады — фруктовые и тутовые. Вся эта местность расположена в уезде Чжуцзи провинции Чжэцзян.

Теперь спустимся осторожно с горы и пойдем в деревню знакомиться с ее жителями.

С кого же начать? Давайте с Го Чжун-хуа. Он председатель кооператива и один из его основателей, он отличник труда, и, кроме того, именно он будет рассказывать нам всю историю. Поэтому прежде всего посмотрите на нижний снимок, где Го Чжун-хуа о чем-то говорит с крестьянами. Учтите, что вы уже знаете и фамилии каждого из сорока слушателей председателя, потому что все они тоже Го. Семейственность? Нет. Просто все жители деревни носят фамилию Го.

Да, и этот человек, который весело приветствует вас, тоже Го. Имя его Шао-чжи. Ему 52 года, и он тоже один из основателей кооператива. Го Шао-чжи — пожалуй, один из самых опытных земледельцев в деревне. Крестьяне говорят, что у него «глаза ясные».

А теперь взгляните на снимок, где запечатлены Го Нин-цан и жена его Го Шу-фан.

Тут надо сказать, что перед тем, как был нажат затвор фотокамеры, Нин-цан немного схитрил. Для снимка он принял эдакий независимый вид, и даже снисходительная усмешка, как можно заметить, играет на его лице. Но в жизни бывает как раз наоборот. В жизни, по свидетельству всех крестьян, именно жена Нин-цана играет главную роль. И в этом мы убедимся из дальнейшего рассказа.

ШУФАНЦАМИ

Этого старика с мотыгой зовут Го Шао-сян. Он бывший батрак. Шао-сян сам попросил, чтобы я его сфотографировал на фоне столба электропередачи, проходящей по деревне. О причинах этой просьбы вы тоже узнаете со временем.

— Ну, а что это за человек со счетами? — спросите вы.

О, середняк Го Лэнь-мин занимает очень важное место в яншуфанских событиях! И счеты его — тоже.

Впрочем, все Го, жители деревни, в этих событиях принимали самое живое участие. В том числе и те Го, что идут длинной вереницей, направляясь за глиной для строительства нового кооперативного хлева.

Теперь перейдем к самим событиям. Я узнал о них от председателя кооператива товарища Го Чжун-хуа.

История эта начинается с тех времен, когда в деревне Яншуфан была проведена земельная реформа. Тогда в Яншуфане начали поговаривать, что в одиночку, пусть даже с землей, все равно из бедности не выбиться. А надо вам сказать, что в этих местах сотни лет существовала взаимопомощь между некоторыми хозяйствами. То вместе дамбу строили против Пуян-моря, то помогали друг другу камни ломать. Особенно хорошо и постоянно сотрудничали шестеро крестьян, в числе которых был и Го Чжун-хуа. Вот они-то, собравшись однажды вечером в доме у Го Чжун-хуа, порешили официально организоваться в бригаду взаимопомощи. Бригадиром избрали Чжун-хуа, как самого энергичного, а Шао-чжи — «ясные глаза» — бухгалтером и распределителем работ.

Наутро к дому Чжун-хуа потянулись любопытные. Бригадир давал объяснения.

— Ну-с, предположим, бригада, — начинал один. — Ну, будете вы помогать друг другу. А рассчитываться как?

— У нас все по баллам, — отвечал бригадир. — Обработал два му в день — заработал 10 баллов. Ты у меня десять обработал, я у тебя десять — в расчете. Я у тебя больше — плати. Каждый балл стоит десять фынов [1].

Пауза. Потом опять:

— Какая же выгода от бригады?

— Сил больше. Распределять работу легче. Работать веселее.

— А сможете вы провести это... ну, электричество?

Последний вопрос задал старик Шао-сян, и все, кто стоял рядом, засмеялись. Дело в том, что недавно в деревне лектор из уезда рассказывал, как много хорошего может сделать электричество в деревне. Старику это так понравилось, что он теперь целыми днями только и разговаривал об электричестве.

— Электричество? — серьезно переспросил Чжун-хуа. — Я думаю, сможем. Не сразу, но сможем.

— Как это не сразу? — насторожился старик.

— Ну, может быть, года через три, не раньше. Если ты утром посадил саженец, не рассчитывай вечером отдыхать в тени дерева.

— Э-э... — разочарованно протянул старик. — Мне надо сразу, иначе мало ли что случится.

— Эх, по-моему, хорошее дело бригада... — зашептал известный нам крестьянин по имени Нин-цан.

— Замолчи! — оборвала его жена. — Подождем, чем дело кончится...

Через некоторое время к дому подошел середняк Го Лэнь-мин. Он долго прислушивался к разговору и потом сказал не тихо и не громко, как бы сам себе:

— Это все хорошо. Но еще ничего не известно: выгодно или нет. Надо будет проверить на счетах...

Эти слова произвели на всех большое впечатление. Лэнь-мин слыл в деревне самым большим грамотеем, и дома у него были настоящие счеты, с черными костяшками. Ни у кого другого не было счетов, даже у кулаков. А у Го Лэнь-мина были.

Поэтому крестьяне постепенно разошлись: действительно, чего зря болтать языком, когда Лэнь-мин все может проверить на счетах — выгодно объединяться в бригады или нет.

Но Лэнь-мин не объявил о своих расчетах ни назавтра, ни через неделю, ни через месяц. Он выжидал.

Прошел год. В январе на общем собрании жителей деревни шестеро членов бригады рассказывали о своих делах: урожай — 500 цзиней риса с одного му против 400 цзиней у единоличников плюс всякие другие доходы. Все слушали внимательно. Затем неожиданно слово взял Го Лэнь-мин. Он встал и сказал:

— Да, в бригаде выгоднее быть, чем единоличником. Я подсчитал это на своих счетах еще год назад, но не говорил никому, потому что хотел проверить.

После собрания Го Лэнь-мин и еще один середняк пришли в дом к Чжун-хуа и попросили принять их в бригаду. Все шестеро долго совещались. Они понимали, что Лэнь-мин отчасти рассчитывает в бригаде на чужую рабочую силу, так как в его семье трудоспособных мало. Но, с другой стороны, Лэнь-мин — самый грамотный в деревне. Он будет полезен бригаде.

Той зимой в деревне организо-

[1] Фын — денежная единица.

валось еще 5 бригад. А в бригаду Чжун-хуа пришли еще 8 человек.

Так работали год, а в начале 1952 года Го Чжун-хуа побывал на собрании передовиков сельского хозяйства и услышал, что существует в их провинции кооператив. Председатель его рассказывал о преимуществах кооператива, и Чжун-хуа как на крыльях несся в деревню. Сразу же собралась вся бригада. Идея понравилась. Только Лэнь-мин сидел молчаливый.

— Постой, — наконец сказал он. — Значит, ты предлагаешь, Чжун-хуа, чтобы землю мы объединили?

— Правильно.

— Тягловый скот, плуги, всякие там веялки вносятся как вступительный пай?

— Да, и кооператив несколько лет будет платить за них.

— Ну, хорошо, это понятно. Неясно только мне, как будем делить доходы.

— Очень просто, — продолжал Чжун-хуа. — Часть дохода идет на покрытие общих затрат и на расширение хозяйства. А остальное — в уплату членам кооператива за труд и за внесенную землю. Что ж тут непонятного?

— А ты мне скажи, сколько процентов идет в уплату за труд, а сколько за землю?

Го Чжун-хуа ответил:

— Процентов семьдесят за труд и процентов тридцать за землю.

— Так-так-так, — заметил Лэньмин и больше ничего не сказал.

Зато он высказался на другой день, когда было собрание всей деревни и Го Чжун-хуа рассказывал о решении бригады, призывая других идти по этому пути. В самом конце речи явился Го Лэнь-мин. Он вытащил из-под ватной куртки счеты и потряс ими над головой. Все обернулись.

— Я подсчитал, — громко сказал Лэнь-мин. Собрание притихло. — Невыгодно! Совсем невыгодно! — И опять потряс счетами.

Это был удар в спину.

— Лэнь-мин неправ! — снова начал говорить Чжун-хуа. — Он смотрит только в свою чашку. Он желал бы за землю получать бо́льшую плату, чем за труд. Потому что земли у него больше, чем у нас.

Но Чжун-хуа чувствовал, что эти слова после заявления Лэньмина до многих не доходят. Проклятые счеты!

Тогда Чжун-хуа пошел на хитрость.

— Кто у нас в деревне умеет считать так, как считает Лэньмин? — спросил он.

— Никто, — был ответ.

— Неправда! А брат Го Лэньмина?

— Верно, верно! — доносилось из толпы. — Но его нет в деревне!

Чжун-хуа знал, что старший брат Лэнь-мина работает учителем средней школы в провинции, знал, что братья в ссоре.

— Мы напишем ему письмо. И пусть он там у себя на счетах подсчитает и пришлет ответ.

Все согласились. Письмо было составлено здесь же. А в самом конце собрания вдруг поднялся старик Го Шао-сян и дребезжащим голосом спросил:

— А как насчет электричества? Осилит кооператив?

— Года через два осилит! — ответил Чжун-хуа, — если будем дружно работать.

— Года через два-а-а! — протянул старик и, махнув рукой, сел.

Ответ учителя пришел через три недели. Его зачитывали опять на общем собрании. Учитель писал, что никакого сомнения в выгодности кооператива быть не может.

— Все равно надо обождать, — сказал Нин-цан. — Посмотрим, что будет в конце года, тогда и решим.

— Нечего ждать! — снова, как и год назад, оборвала его своенравная жена. — С бригадой ждали, только время потеряли. Одной рукой не захлопаешь. Пиши заявление!

Прямо на собрании в кооператив подали заявления еще десять семей.

— Принимайте, принимайте бедняков да батраков! — злобно кричал Лэнь-мин. — Соедините все дырки! Хорошие штаны получите!

Но его слушали теперь лишь середняки, да и то немногие.

Впрочем, середняки не были врагами кооператива. Они просто не верили в его выгодность. А вот кулаки...

Кулаков было всего двое в деревне, и члены кооператива их не особенно опасались. Да и те, зная свою слабость, на открытые выступления не решались. Они избрали другой путь. Был в деревне в то время председателем крестьянского союза бедняк Го Хайцан. Он оказался нетвердым парнем, и кулаки очень скоро прибрали его к рукам угощениями, деньгами, подарками. В результате Хай-цан начал говорить, что кооператив — вещь незаконная, он, мол, подменяет крестьянский союз. Дошло до того, что как-то на собрании в волости Хай-цан обвинил Го Чжун-хуа в создании подпольной организации. Его там подняли на смех, а крестьяне в деревне узнали о связях Хай-цана с кулаками, и его карьере пришел конец. От позора он ушел из деревни...

В конце года подвели итоги. Урожайность на кооперативных землях была в среднем 695 цзиней риса с одного му, а на некоторых участках — даже 1 050 цзиней. Это был совершенно невиданный здесь доселе урожай. Го Лэнь-мин на своей лучшей земле собрал только 450 цзиней с му. Члены кооператива ходили героями. Посыпались заявления. К зиме в кооперативе было 100 дворов! Одним из первых заявление подал Го Лэнь-мин.

И тут произошло непредвиденное.

Однажды утром (это было в январе 1953 года) в деревню пришел пешком высокий, худой человек с портфелем. Его сопровождал председатель уездного крестьянского союза. Человек этот был представителем комитета партии из города Цзиньхуа.

И раньше в деревню приходили товарищи из партийного комитета. Они помогали бригаде, потом кооперативу. Объясняли многие вопросы. В деревне тогда уже была маленькая парторганизация из пяти человек.

— Но этого товарища, — рассказывал мне Го Чжун-хуа, — я увидел тогда впервые. Он пришел прямо ко мне домой и начал расспрашивать о делах.

— А сколько у вас хозяйств? — спросил он.

— Сто девять, — ответил я. — Вне кооператива только кулаки.

— Сто девять?! — переспросил гость. — Хорошо. Очень хорошо. — И забарабанил пальцами по столу. Больше он ни о чем меня не спрашивал, только еще несколько раз повторил: — Хорошо, очень хорошо.

«Ну, — подумал я, — что-то неладно».

Через несколько дней в деревню приехали шесть работников из района. Они ходили по дворам и беседовали с членами кооператива. Всем задавали один и тот же вопрос: «Вы добровольно вступили в кооператив?» Ясно, что все им ответили: «Добровольно».

Потом все шестеро беседовали со мной и сказали:

— Слишком у вас широкий кооператив. Ничего не получится. Рост кооператива опередил уровень сознания масс, и руководство неопытное. Надо сокращаться.

Я пробовал доказывать. Но это у меня плохо получалось. Из уездного крестьянского союза нам тоже стали рекомендовать сократить кооператив в два — три раза.

Ничего не поделаешь, я решил, что мы в деревне действительно совершили ошибку.

Так или иначе правление собрало всех членов кооператива и объявило о необходимости сократить кооператив.

Что тут началось!

— Не может быть, чтоб партия так советовала! — говорили одни. — Это вы у себя в правлении решили. Хотите только сами хорошо жить.

— Что это за кооператив для особых! — кричали другие. — Вы кто, мандарины? Вместе с нами работать не можете? Мы для вас не подходим? Мандарины! И коровы у вас — тоже мандарины!

Это было очень тяжело слушать. На другой день мы начали вести разъяснительную работу по бригадам: мол, так и так, нам указали, что руководство кооперативом еще не доросло до больших масштабов и массы тоже вроде бы не готовы. В общем, после долгих разговоров ушла из кооператива половина хозяйств. Осталось пятьдесят. Между прочим, Го Лэнь-мин остался. Как ни уговаривали, не смогли. Он кричит: «Я старый кооперативщик, я еще в бригаде состоял!»

В начале 1954 года снова все подали заявления. А мы, наученные горьким опытом, приняли только четырнадцать человек. В общем, как говорится, пытались завернуть огонь в бумагу...

Ну, а дальше вы, наверное, сами догадываетесь, как все кончилось, — уже весело продолжал Го Чжун-хуа.

В октябре 1955 года в уезде состоялось собрание, и на нем читали доклад председателя Мао о кооперировании в сельском хозяйстве и решение пленума ЦК. Что я тогда чувствовал! Ведь это был ответ на все наши самые больные вопросы.

Товарищ Мао Цзэ-дун сказал, что нужно внимательно относиться ко всякому малейшему проявлению социалистической активности крестьян, а не охлаждать эту активность, руководство не должно отставать от массового движения.

А некоторых работников, которые не понимали этого и сдерживали развитие кооперативов, он сравнил с женщиной, у которой забинтованы ноги. — Го Чжун-хуа от души засмеялся. — Она идет по улице медленно, покачивается из стороны в сторону и постоянно жалуется на других: «Ну, куда так спешить!»

И насчет опыта у руководства кооперативов сказал: как же, говорит, приобрести опыт этому руководству? Сидеть на месте сложа руки? Или вступить в борьбу за социализм в деревне? Вот.

Го Чжун-хуа вытащил из кармана коробку с сигаретами и закурил.

— Как видите, были у некоторых товарищей кое-какие серьезные ошибки. Пришлось партии поправлять их. Ну, а теперь...

Однако здесь мы прервем рассказ председателя и вернемся еще раз к фотографиям, напечатанным на предыдущих страницах. Все они сделаны осенью пятьдесят шестого года.

Пусть вас не удивляют межи на полях вокруг деревни Яншуфан на первом фото. Вот если бы такой снимок сделать года четыре назад, тогда бы вы поняли, что такое мелкие делянки. А сейчас это и не межи вовсе. Это канавы для орошения. Все без исключения хозяйства яншуфанцев теперь объединены в кооператив высшего типа, то есть в такой кооператив, где вознаграждение — только по труду, а земля не учитывается. Урожайность у них — 800 цзиней риса с му. Кулаков тоже приняли — кандидатами в члены кооператива. Это значит, что они не имеют права участвовать в составлении планов работ артели, пока не докажут, что перевоспитались. Пуян-море уж далеко не так страшно, как раньше: здесь построили дамбу. Ее можно заметить на снимке: по ней проходит дорога.

Председатель Го Чжун-хуа пользуется очень большим авторитетом в деревне. Вот одно из подтверждений этого: вы видите на нижнем снимке, с каким вниманием слушают его крестьяне.

Го Шао-чжи — «ясные глаза» продолжает работать в кооперативе, и хорошо работать. Но совсем недавно он вдруг... пропал. Целый день искали его родственники, хотели уж тревогу бить. А оказалось, что он ушел в уездный городок по делам, там вдруг услышал радиопередачу об итогах соревнования. Среди передовиков уезда была названа его фамилия. Шао-чжи просидел до вечера у репродуктора, дожидаясь повторения передачи, дождался и совершенно счастливый вернулся домой поздно ночью.

Супруги Го Нин-цан живут мирно. Хотя по-прежнему главная в семье — жена. Ну что ж, ничего предосудительного в этом нет. Бывает...

Исполнилась мечта старого Го Шао-сяна. Кооператив «осилил электричество». Те провода, которые на снимке тянутся позади бывшего батрака, ведут к электропомпе для орошения полей.

Го Лэнь-мин уже не сомневается в выгодности кооператива. А счеты его вызывают сейчас не столько уважение, сколько шутки крестьян.

Вот, пожалуй, теперь можно и кончить рассказ о событиях в деревне Яншуфан провинции Чжэцзян.

Больших успехов вам, дорогие яншуфанцы!

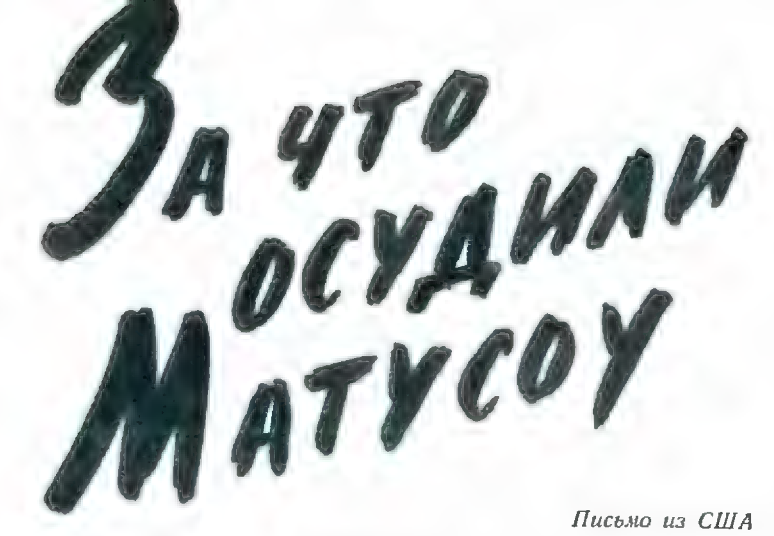
Китай. Песок по реке Пуян доставляют в город Чжуцзи, откуда отправляют на строительство. На снимке: грузчик песка Ло Го-чжи.

Фото Дм. Бальтерманца.

Китай. Шанхайский родильный дом № 1. У работницы текстильной фабрики «Ц[illegible]» Фэй Дэсин родилась дочка. Доктор Ван Пу пишет записку ее мужу.

Фото Дм. Бальтерманца.

Письмо из США

Альберт КАН

Многим советским читателям уже известна книга Харвея Матусоу «Лжесвидетель» — эта исповедь человека, состоявшего на жалованье у органов американского «правосудия» и дававшего сфабрикованные ложные показания на процессах против коммунистов и других прогрессивных американцев. Если я возвращаюсь к этой теме, то для того только, чтобы бросить свет на финал печально-знаменитого «дела Матусоу».

Этот финал разыгрался в последние месяцы истекшего года в зале величественного здания федерального суда в Нью-Йорке. После полутора лет судебной волокиты, всяческих процессуальных ухищрений и дополнительных расследований Матусоу наконец предстал перед судом. Он был признан виновным в лжесвидетельстве и приговорен к пяти годам тюремного заключения.

Приговорен — это естественно. Но за что, спросит читатель. За те преступления, в которых он сам признался в своей книге? За клевету, которую он изливал на честных американцев по указке сенатора Маккарти и ему подобных? За то, что помогал отправлять за решетку ни в чем не повинных людей? За то, что сотни американских граждан попали благодаря ему в «черные списки», потеряли работу, превратились в гонимых париев?

Отнюдь нет. Невероятно, но факт: американское правосудие обрушило кару на голову Харвея Матусоу за то, что он якобы лгал именно тогда, когда разоблачал перед всем миром свою роль профессионального платного лжесвидетеля! В частности, суд признал Матусоу виновным в том, что он «возвел поклеп» на бывшего помощника федерального прокурора США Роя Кона — того самого Роя Кона, который выступал государственным обвинителем в процессе супругов Розенберг, а затем был правой рукой сенатора Маккарти.

После вынесения приговора «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Один высокопоставленный государственный деятель выразил свое полное удовлетворение исходом суда... Он пояснил, что приговор окажет серьезное воздействие на осведомителей по всей стране». Как и в мире гангстеров, платным лжесвидетелям не разрешается свободно покидать свою шайку. Матусоу был не первым «отступником», судьба которого должна теперь послужить предостережением другим. Годом раньше миссис Мэри Натвиг, также выступавшая в качестве платного лжесвидетеля, была посажена за решетку по той же самой причине: она, как и Матусоу, публично разоблачила свою мрачную «профессию».

Когда Харвей Матусоу появился в зале суда, его вид поразил газетных репортеров. «Матусоу выглядел на суде как истый обвиняемый,— писал корреспондент «Нью-Йорк уорлд телеграм»,— он весит всего 145 фунтов... Обвиняемый Матусоу — лишь бледная тень того жирного, безвкусно одетого, самодовольного человека, который выступал свидетелем обвинения».

Метаморфоза, происшедшая в Харвее Матусоу, значительно глубже, чем потеря нескольких десятков фунтов в весе. Да, трудно было поверить, что это тот самый Матусоу, с которым издатель Ангус Камерон и я впервые встретились в октябре 1954 года, чтобы обсудить вопрос об издании нами его книги-исповеди. Тогда у него был самоуверенный, несколько даже вызывающий вид. Да, он желал исправить тяжелый вред, нанесенный стольким людям его ложными показаниями; но тогда он еще кокетничал: он ведь был «сенсационной» фигурой. Прошло два года — и Матусоу, видимо, более глубоко осознал страшную правду своего прошлого. Ко времени суда ему было двадцать девять лет, он женился, стал хорошим отцом для своей приемной дочки, начал под другой фамилией трудовую жизнь: стал продавцом в магазине...

Знаменательным было самое начало процесса. Поднялся федеральный прокурор Поль Уильямс, торжественный, напоминающий своей фигурой манекен. Он разъяснил, почему правительство рассматривает дело Матусоу как дело первостепенной важности.

— Сейчас поставлена на карту честь министерства юстиции,— провозгласил он.

Надо сказать, что мистер Поль Уильямс выразился слишком скромно: «честь» министерства юстиции США была «поставлена на карту» гораздо раньше, по крайней мере, с того момента, когда Харвей Матусоу еще в начале 1952 года выступил с разоблачением системы платных лжесвидетелей, процветающей в этом министерстве. В глазах миллионов американцев министерство было поймано с поличным уже тогда. И процесс Матусоу, несмотря на его фактический исход, только подтвердил это мнение.

Обвинителем на процессе выступал помощник федерального прокурора Томас Болен, весьма усердный и самоуверенный молодой человек явно маккартистского образа мыслей. Он усердно протаскивал через весь процесс Матусоу шитый белыми нитками правительственный тезис: Матусоу-де в своих разоблачениях лгал потому, что «попал в лапы коммунистов». Бравый мистер Болен, вероятно, намекал на Ангуса Камерона и автора этих строк. Но прокурор «забыл» одну мелочь: перед тем, как встретиться с нами, издателями его книги, Харвей Матусоу обсуждал свои разоблачения с такими отнюдь не «левыми» людьми, как епископ Бромлей Оксман, как высокопоставленный чиновник министерства юстиции Рассел Браун, как известные правые журналисты Элмер Дэвис, братья Олсоп, Дрю Пирсон, не говоря уже о целой дюжине сенаторов. Больше того, еще в 1953 году Матусоу направил свои разоблачения в газету «Нью-Йорк таймс» и журнал «Тайм», тоже не принадлежащие к числу «коммунистических изданий».

Негодование прокурора Болена достигло высшей точки, когда он спросил Матусоу:

— Если вы лгали в качестве свидетеля обвинения и хотели отречься от своих показаний, почему вы не пошли со своими признаниями прежде всего в конгресс, в комиссию по расследованиям?

Матусоу ответил прямо и без обиняков:

— Я не мог довериться этим людям. Ведь я на них же и работал.

— В таком случае,— настаивал незадачливый прокурор,— почему вы не обратились прямо в министерство юстиции?

— Я боялся. Боялся, что меня убьют! — отрезал Матусоу.

Обвиняемый мог бы прибавить, что министерство юстиции было настолько «заинтересовано» в его разоблачениях, что прилагало бешеные усилия, стараясь помешать выходу в свет книги «Лжесвидетель». Оно потащило меня и Камерона в суд, состряпав обвинение в «заговоре», отдало нас обоих под надзор ФБР, заставило ряд издательских фирм разорвать договоры на издание книги...

И вот на процессе всплывает мрачная фигура Роя Кона. В первом своем разоблачительном заявлении Матусоу писал, что не кто иной, как Рой Кон, предложил ему дать ложные показания на процессе Элизабет Флинн и других деятелей коммунистической партии и специально инструктировал его, какие именно давать показания.

К судейскому столу подходит Рой Кон. Прокурор Болен немедленно отодвигается на задний план. Допрос Кона ведет «сам» федеральный прокурор Уильямс, собственной персоной. Так требует неписаный этикет. Но эта торжественность мало помогает: специфический запах прошлой «деятельности» Роя Кона густо повисает в воздухе зала суда. Можно ли забыть о «заслугах» этого человека: о том, что ему поручались самые грязные дела в инквизиторской комиссии сенатора Маккарти? Рой Кон выступает как воплощение невинности и чистоты; он с «возмущением» отрицает все, что утверждает его бывший подчиненный Матусоу. Адвокат Матусоу, Стенли Фолкнер, задает Рою Кону несколько вопросов: использовал ли мистер Кон в процессе Розенбергов платного лжесвидетеля Гарри Голда, представил ли мистер Кон фальшивые документы в комиссию конгресса, разбиравшую конфликт между армией и Маккарти? Но судья Маккохэй отводит эти вопросы, признав их «неуместными»...

Как и следовало ожидать, все свидетели, защищавшие честь министерства юстиции, «ничего не знали» о целом питомнике отборных платных лжесвидетелей, существовавшем при этом министерстве. А между тем там тренировались такие профессиональные лжецы, как Меннинг Джонсон, Поль Крoч, Элизабет Тентли, хронический алкоголик Матт Кветич, бывший уголовник Морис Малкин, не говоря уже о таких провокаторах, как Мэри Натвиг, Ловелл Уотсон и Дэвид Браун. И, разумеется, на процессе ни словом не было упомянуто о специальном постановлении Верховного суда США, где Матусоу, Кроч и Джонсон поименно названы «свидетелями, не заслуживающими доверия».

Отправив Харвея Матусоу в тюрьму, американская юстиция не смогла, конечно, поколебать того огромного впечатления, которое произвели его разоблачения на широкие круги американцев. Позорная практика систематического использования министерством юстиции профессиональных лжесвидетелей для преследования прогрессивных людей — факт установленный и неопровержимый.

За полчаса до приговора Матусоу сказал мне:

— Видите ли, как человек, виновный в преступлениях, я заслуживаю наказания. Печально то, что меня сажают в тюрьму за «преступление», которого я не совершал.

Харвей Матусоу получил пять лет тюрьмы. Нерешенным остается вопрос: когда и как будут наказаны те, кто использовал Матусоу и ему подобных в качестве орудия для нарушения закона, для создания в стране отравленной атмосферы лжеправосудия, построенного на сфабрикованных «доказательствах» и показаниях наемных лжесвидетелей?

Сан-Франциско.

Рисунок из американской газеты «Уоркер».

ЧЕКМАРЕВ

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

1

Суббота — легкий день, но в эту субботу, 6 октября, начальник цеха Савельев вымотался так, точно на нем возили камни. Накануне объявили приказ директора о новых нормах и расценках, и с утра пошли вопросы, расспросы, претензии, жалобы, обиды, споры, и некуда было укрыться от них: савельевская конторка, как фонарь, торчала посреди пролета и просматривалась со всех сторон.

Савельев нервничал: с расценками вышло неладно. Директор, человек крутой, неуступчивый и не металлист вовсе, а строитель, не ценил, не понимал инструментальщиков, считал их нахлебниками завода, всячески прижимал цех и вот перестарался: занизил им расценки... Он перестарался, но отдуваться-то пришлось начальнику цеха! А Савельев... он много лет служил в главке, имел дело с чертежами, бумагами, не привык к многолюдью и, ловя косые взгляды и грубоватые реплики рабочих, конфузился, расстраивался и, наверно, растерялся бы, если бы был один. К счастью, он был не один. Правда, парторг цеха калильщик Герасимов после ожога лежал в больнице, зато председатель цехкома Захар Антонович Лещев неотступно следовал за Савельевым. Кругленький, коротконогий, с мыском рыжих волос, как бы вклеенным между глубоких залысин, Захар ловко, весело, с прибаутками гасил споры, а Савельева утешал:

— Да вы не беспокойтесь, Иван Севастьяныч. Обойдется!

Савельев смотрел в веснушчатое, щекастое лицо утешителя и в самом деле успокаивался, прикидывая, как легко бы жилось на свете, если б все люди были так сговорчивы, как этот разбитной, артельный и неприхотливый Захар Лещев.

Правда, и с Захаром бывали неприятности. Веселая его натура не выносила однообразия, он то и дело, оставив станок, уходил либо в конторку, либо на перекур с дружками, или, сославшись на срочную надобность, убегал в завком, а воротившись оттуда, расхаживал по пролету, тряся какими-то билетами, ведомостями, подписными листами, и вздыхал, жалуясь, что его «зарезала общественность». Нередко дело кончалось крахом: жертва «общественности» оказывалась без заработка, и щепетильный Савельев волей-неволей принужден был подкидывать Захару работенку повыгоднее либо «выводить» и «натягивать» ему жалованье иным путем.

Зато и Захар не оставался в долгу, особенно когда Савельеву надо было протолкнуть в цехе какой-нибудь щекотливый вопрос, вроде тех же расценок. И был он весельчак до мозга костей... Всегда у него были наготове острое словцо и смешная история, а то он с небрежностью человека образованного поучал:

— Д-да, Иван Севастьяныч, средство открыто против умственной усталости. Сахарок, дорогой, сахарок в больших порциях. Потребляю.

— Вот те и раз! — ахал Савельев.— Это у тебя-то умственная усталость?

— У меня! — скорбно ронял Захар.

А жили Лещевы средненько, точнее сказать, скудновато. Беззаботный Захар как-то не соразмерял доходов с численностью семейства. И четверо наследников, таких же щекастых и веснушчатых, как отец, и жена, усталая, тихая женщина, ходили в чем попало, да и по убранству комнаты можно было судить, что Захар не очень-то щедр насчет капитальных вложений в хозяйство. Начали было Лещевы строиться, взяли участок, Захар получил ссуду, засуетился, поставил сруб, но вдруг передумал и продал сруб токарю Григорию Чекмареву.

— Что это ты? — удивился Савельев, зная, что Лещевы теснятся в одной комнате.— Или денег не хватило?

— Иван Севастьяныч! — взмолился Захар.— Да ты погляди-ка получше: похож я на домовладельца?! Вот ежели б ты сказал: «А ну, Лещев, поднатужься, план горит!» — насчет этого я всегда пожалуйста. А чтоб я из-за какой-то недвижимости — да ни за что! Сыт, обут, на чарку остается — и достаточно. Я неприхотлив!

«Вот человек!» — умилялся Савельев, все больше привязываясь к Захару и прощая ему за сговорчивый, легкий нрав все прегрешения.

...В ту субботу после гудка, оба уставшие, они сидели в пустой конторке. Под полом глухо вздыхал о чем-то тяжелый пресс. Савельев, бледный, нервный, курил, раскинувшись в плетеном креслице. Захар сидел рядом, постукивая по столу тупыми веснушчатыми пальцами, и, с участием глядя на удрученного начальника, ронял скороговоркой:

— Обойдется, обойдется! И к расценочкам привыкнут...

В эту минуту дверь шумно распахнулась, и на пороге появился Григорий Чекмарев — большой, длиннорукий, бородатый, в черной, наглухо застегнутой куртке. Не торопясь, он прикрыл дверь, по-хозяйски уселся, достал коробочку из-под зубного порошка, оторвал на столе кусок газеты и принялся свертывать цигарку, недобро косясь на Савельева и Лещева.

До этого Савельев если и отличал Чекмарева от других рабочих, то, пожалуй, лишь по внешности. Чекмарев единственный на заводе носил бородку, росла она не вниз, а врозь, кудрявилась; черноволосый носатый бородач был очень приметен, смахивал на цыгана-барышника, и, когда он, заложив руки за спину, шагал по пролету, Савельеву почему-то казалось, что в руках у мрачноватого токаря кнут и он того и гляди начнет им хлестать направо и налево...

Работал Чекмарев на старепьком «ДИПе» с уверенной лихостью бывалого металлиста. Капризнейшие мелкие детали, от которых обычно токари отмахивались, как черт от ладана, Чекмарев точил на высших оборотах, на высших подачах, без перекура, без «перебреха», без оглядки, от гудка до гудка. Окончит смену, отдышится, руки уронит и стоит минуты две, не шелохнется, как песню спел... Дважды, не то трижды Савельеву попадались предложения Чекмарева — эскизы на тетрадочных листках. Нарисованы они были карандашом, рукой умелой, грамотной, да и по смыслу были довольно остроумны. Савельев одобрил их, послал наверх, по инстанциям, а потом гневный Чекмарев как-то приходил к Савельеву, бранился, что один эскиз затерялся, и говорил с ним строго, требовательно, как начальник. Но все утряслось: Чекмареву назначили премию, и Савельев видел, как бородач, отойдя от кассы, пересчитывал премиальные. Считал он быстро, как кассир, поплевывал на собранные в пучок темные пальцы, и это покоробило брезгливого начальника цеха. Больше Савельев ничего не знал о токаре Чекмареве, да, по правде сказать, и не имел желания сойтись с ним поближе.

Между тем бородач свернул цигарку, прикурил, сгреб с колен рассыпавшийся табак, высыпал его в коробочку и спросил так же властно, начальнически, как тогда говорил о премии:

— Нашли топор под лавкой? Огулом расценки режете? Ну, правильно, у термистов печь новая, а у нас что переменилось? Какая ж причина расценки кромсать? Политики!

Савельеву стало не по себе. Он припомнил, что Чекмарев зарабатывает прилично, купил у Лещева сруб и уж, во всяком случае, живет получше Захара... Савельеву захотелось обругать жадного бородача, срезать его колкостью, но он сдержался и сказал то, что говорил в этот день всем:

— Вы должны понимать, Чекмарев... Это не наша прихоть. Это общая линия: рост производительности труда...

— А, брось! — поморщился Чекмарев.— На чем играешь, начальник? Производительность... Одними расценками думаешь ее толкнуть?

— А что ж? Вот подтянем нормы, и сами обстоятельства подтолкнут нас с вами...

— Нас с вами? Да ты-то на твердом жалованье. А я-то добываю хлеб вот этими двумя... Куда же меня подтолкнут расценки? Может, вы мне третью руку подарите? Или оборотов подкинете станку? Что я, сплю? Прохлаждаюсь?

— Да ты не плачь,— поспешил Захар на выручку начальнику.— Обидели его! Гребешь,

дай бог всякому... Я из-за него, Иван Севастьяныч, два выговора схлопотал, из-за этого сквалыги. Останется на вторую смену и точит, точит, точит, навьет стружки, как будто тут воевал полк токарей. А с кого утром спрос? С Лещева. Охрана труда...

— А ты меня не охраняй! — усмехнулся Чекмарев.— От чего ты меня охраняешь? От заработка? Да мне деньги нужны! Нет, вы-то зачем темните? Как в приказе написали? Техника, мол, выросла, потому и расценки устарели. Полгода не минуло, а уже выросла? Где? В общем-целом по всему заводу? А у нас в цехе? Шиш вырос!

— Двинем и у нас...

— А вот двинь, тогда и к расценкам тянись.

— Одно другому не мешает.

— Нет, мешает! — грубо оборвал Чекмарев.— Вот вы с моих расценок натянете экономию, отрапортуете — и в дамках, а Чекмарев останется при двух руках и своем интересе...

— Ну, это ты глупости говоришь! — рассердился Савельев.— Что я, враг тебе? Пособим...

— А я в пособии не нуждаюсь. Дай заработать!

— Дадим...

— Ну, погляжу!

Чекмарев внимательно посмотрел на Савельева, с силой вдавил в пепельницу окурок и вышел, чуть сутуля сильные плечи.

Савельев и Лещев переглянулись.

— Вот те и обойдется! — с досадой сказал Савельев.— Ишь, как из него мелкий собственник прет! Откровенный рвач...

— Сквалыга! — сплюнул Захар.— Удавится из-за копейки...

Когда они вышли из конторки, Чекмарев уже работал. Он был в майке, куртка валялась на тумбочке, а белые крупные руки, как крылья, метались над станком. Савельев наклонился к ящику с деталями, поворошил их пальцем. Детали были влажны, теплы, как новорожденные, и горели неярким блеском. Савельев невольно залюбовался щегольской чистотой отделки. Захар шепнул ему:

— Не придеретесь. Чисто работает.— И, пересиливая шум станка, крикнул токарю: — Эй, Чекмарь! Ты что штифты вылизываешь? Штифт, он и есть штифт, не галантерея, его на комод не ставить...

— Привычка,— глуховато отозвался Чекмарев.— Руки привыкли...

— Вот и прижми его,— пожаловался Захар, отходя от Чекмарева.— Хитрец! Жмотище неподобнейший, а точит, сатана, как на парад!..

— Странный человек...— задумчиво сказал Савельев, оглянувшись на токаря.— Как он насчет денег! А чем черт не шутит: может, нуждается? Дети... Ты б выяснил. Цехком!

— А что там выяснять! — отмахнулся Захар.— Что у него за дети? Баба доит...

— Баба?! — отстранился Савельев, сбитый с толку странностями бородача.— Какая еще баба?!

Но Захар не стал распространяться, сплюнул и выругался:

— Видеть этого не могу! Чтоб из-за какой-то... я себе пуп рвал, срам принимал? Э, я свою отрегулировал! — похвастался он.— Знает инструкцию! Маленька добыча, большой береж — век проживешь... Таким путем! А то, ишь...

И, сунув Савельеву сухую руку, он вприпрыжку помчался из цеха.

2

Дней через пять цех навестил директор. Грузный, бровастый, громкоголосый, он прошел по пролету, побалагурил со слесарями, рассмешил чем-то фрезеровщиц и, зайдя в конторку, вытер большим платком лицо, уселся на табуретке посреди комнатки и спросил:

— Ну как, интеллигенция? Народ-то в нормы втянулся? Ты мне гляди! Это не главковская келья. Инструментальщики! Народец, ох, тех-те!.. Короли! Есть тут публика хорошая, но есть и кулачки, такие хитрющие, что будь здоров. Что я, не знаю? Сам был в их шкуре...

— Орел! — восхищенно причмокнул Захар, провожая директора.— Кремень! Рубит — искры летят...

— Кремень-то кремень,— возразил Савельев,— да вот перегнул с расценками...

— А думаешь, я не ведаю? — хитро подмигнул Захар.— Перегнул! Еще и как перегнул!.. Но оно-то, в общем-целом, на пользу, а? Куда экономия пойдет? В общий котел?

Захар говорил резонно: экономия шла в общий котел, именно это и успокаивало Савельева.

— Все будет по-хорошему. А на Чекмаря плюнь. Подумаешь, выискался! Укоротим...

Но бородач, кажется, и не опасался «укорочения». Здороваясь с ним, Савельев настораживался, ожидая какой-нибудь выходки, но Чекмарев знай себе точил да точил, лишь временами бросая на Савельева короткие, изучающие взгляды, как бы определяя, на что он годится...

А в субботу он вновь озадачил Савельева, напомнил о себе самым неожиданным образом.

Случилось это после обеда. Пришел парнишка-строгальщик и положил на стол какой-то эскиз. Савельеву было некогда. Он выпроводил выдумщика, даже не взглянув на его затею. Но через час пришел Захар Лещев, закурил, по привычке обшарил стол, нашел эскиз, повертел его в руках и вдруг закричал обрадованно:

— Ах, черт, не нашего бога! Это кто же тебе принес, Севастьяныч? Малый со строгального? Федосеев? Ну да, и подписано Федосеевым, а затея-то Чекмаря! То-то он, Чекмарь, у федосеевского станка торчал... Да ты гляди, и рисовано его рукой. Ах, купцы! Р-разберем!

Захар потер руки, предвкушая приятное для себя занятие. Савельев — он решительно ничего не понял — потянулся к эскизу. Да, сомнения не было: эскиз был нарисован чекмаревской рукой. Но какой расчет этому скареду уступать свою мысль другому?

— Какой расчет? — залился Захар.— Да прямехонький! Денег больше! Ежели бы Чекмарь сам подал, то малому, считай, нет особого выигрыша. Строгал бы он, допустим, разочка в два быстрей, ну, и расценочку б ему скостили. Рационализация! А ежели сам малый подаст, ему и премия и льгота: на полгода старая расценка останется. Химия! Чекмарь-то с него, с малого, и премию до копеечки слупит, да и за льготу добавку возьмет. Уловили? И Чекмарь с прибылью, и парень не в накладе. Э, Чекмарь не пронесет мимо рта ложки!..

— Мыслями торгует?! — воскликнул Савельев.— Не может быть!

— С Чекмарем все может быть,— философски изрек Захар и крикнул, приоткрыв дверь:— Эй, Федосеева покличьте! Жи-в-ва!..

Но Захарово следствие не имело успеха. Черноглазый строгальщик подтвердил, что затею ему подсказал Чекмарев, однако упрямо не признавал никакого денежного интереса: нет, разговора о деньгах не было...

— Мели! — заливался Захар.— Это Чекмарь-то тебе такую богатую штуку подарил? За так? Да тут тыща огнем горит!

— Как вы его оскорбляете! — обиделся парень.— Да вы знаете, он какой, Григорий Ильич! Он любого технолога забьет. На хороших заводах служил... Да вы у людей спросите. Он и заточникам насчет доводки подал совет и Ануфриеву подарил фрезы. А кто слесарям опиловочный станок отладил? Они ж мучились, слесари, напильниками по сантиметру сдирали. Что, вы не знаете?

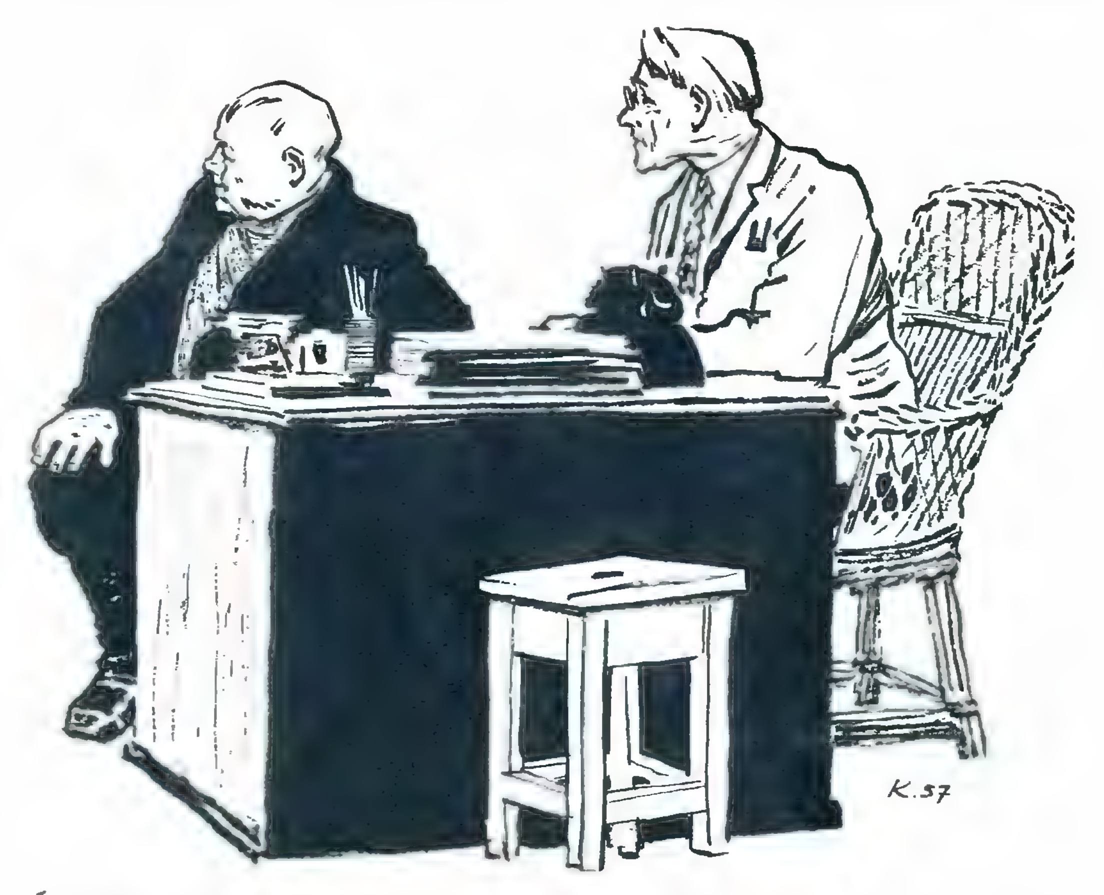
— Так, так, так...— забарабанил пальцами Захар.— Значит, и заточникам, и Ануфриеву, и слесарям... Еще кому?

— Его спросите.

— Спросим! — грозно сказал Захар.— Мы, малый, спросим! Кличь-ка его.

Токарь пришел недовольный. Оседлал стул, скрестил руки на спинке.

— Твоя затея, Григорий Ильич? — вкрадчиво спросил Захар.— Не отрекайся, рука твоя...

— Рука моя,— сознался Чекмарев.— А затея не моя. У компрессорщиков видал — вон он через дорогу, завод. И то не ихняя выдумка. Питерская. В точности так ленинградцы строгают. А мы как? Ты слепой? — Чекмарев поднялся, распахнул дверь, и в конторку ворвалось басовитое шарканье.— Глянь-ка! — властно приказал Чекмарев.

Строгальные станки стояли в ряд в двух шагах от конторки. Лобастые, разгонистые головки по-бычьи с разбега вгрызались в металл посверкивающими резцами и, словно бы обессилев, отступали, чтобы через мгновение вновь рвануться вперед на неподатливую болванку.

— Видишь! — закричал Чекмарев.— Двойной ход! Вперед — строгает, назад — вхолостую. А у питерцев туда и сюда строгает! Двойной выигрыш! А тут-то убыток... Р-раз — убыток... р-раз — убыток... р-раз — убыток! — пристукнул он ногой в такт шарканью станка и, прикрыв дверь, снова уселся.— Я тут прикинул по всем станкам — на многие тыщи убытка...

— Так что ж ты сам предложения не подал? Премии не хочешь?

— Да как же я подам, чудило ты муче-

ник? — засмеялся Чекмарев.— Не моя выдумка. Чужим пользоваться?

— А малому даешь пользоваться?

— Он не видал. Мог сам выдумать.

— А вот не выдумал.

— Я пособил. Вы-то его обидели! Подсекли хлопца расценкой и никакой техники не кинули на подмогу. Барахтайся! А малый безответный, старательный, у него четверо на руках. Девятьсот целковых принесет, много ли на пятерых? К чему же людей зазря обижать, Иван Севастьяныч? — Бородач не шумел, как в ту субботу. Он говорил спокойно, взвешенно и смотрел на Савельева без злобы, с грустным укором.— К чему обижать?

Савельев зябко повел плечами, отвел глаза. Нет, разумеется, он не хотел обижать строгальщика, он и не знал его вовсе...

— Экономисты! — строже сказал Чекмарев.— Вот они, тыщи, готовенькие лежат, так вам лень их поднять.

— Нет, погоди! — закричал Захар, чувствуя, что следствие проваливается.— Значит, ты Федосееву на бедность пожертвовал? А заточникам? А слесарям? Ануфриеву? И этим за спасибо?

— Нет, по тыще взял. Зови свидетелей.— Захар заерзал на стуле.— Ду-ра! — снисходительно протянул Чекмарев, и в темных глазах его запрыгали смешинки.— Да этим способом я бы у нас в цехе живо разбогател. Ты цеха своего не знаешь. Старинка на старинке. А я-то повидал новшества!

— Так что ж ты начальнику не подскажешь? — вскочил Захар.— Что ж ты через людей... Благодетель!

— А он сам не знает, начальник? Что эти новости — секрет? Описаны тыщу раз. Он знает! Кабы у него интерес...

Савельев снял пенсне, протер покрасневшие веки. Еще никто не говорил о нем с таким беспощадным пренебрежением. А ведь и он, Савельев, любил новшества, ненавидел рутину и, принимая цех, прикидывал, как он все тут модернизирует, обновит, переиначит... И он бы уже все переиначил, если б не обстоятельства: то директор не давал денег, то подводили снабженцы, то электрики, то ремонтники, то мешала «текучка». Разве этого не видит, не понимает Чекмарев?

— Послушайте,— с обидой сказал он,— вот вы меня рутинером считаете. Это, конечно, ваше право. Но предложение-то все равно ко мне пришло!

— Э, нет! — возразил Чекмарев.— Не все равно! Если б я так сказал, то вам — из уха в ухо. А тут бумага! Форма! Она пронумеруется, наверх пойдет! Спросят!

— Значит, формой решили принудить? — с горечью сказал Савельев.

— А что ж с вами делать, Иван Севастьяныч? — негромко спросил токарь и придвинулся к Савельеву.— Что? Как вас повернуть на новинки? Ну, допустим, свое, доморослое, мы еще протолкнем. Тут и выдумщик, вот он, налицо, и бумага, и все такое... А соседская выдумка, она к нам как перекочует? Вот он через дорогу, другой завод, и другой у него министр, а новинка у них дорогая, полезная нам. Каким же путем она к нам через дорогу переберется? Не-ет, погоди, то я знаю: газеты, книжечки... Агитация? Это есть. А дальше? Полная добровольность? Хошь ты по-старому строгай, хошь по-питерски. Так?

— Приказы есть на то! — внушительно сказал Захар.

— Именно! — подхватил Чекмарев.— Приказы! А к чему тут приказы, когда и дите поймет, что питерская строжка дает нам лишние тысячи? Дело хорошее, ясное, а на него еще и приказы? Кому?

— Бюрократам! — выпалил Захар. Он, видно, плюнул на неудавшееся следствие и теперь внимательно слушал Чекмарева, покашливал и, кажется, собирался занять в разговоре руководящую роль.— Бюрократам! Они ж тормозят...

— Чу-удо! — по-отечески прихлопнул его по плечу Чекмарев.— Да кабы одни бюрократы тормозили, это б еще... А то и хорошие сплошь да рядом. Савельев что ж, бюрократ? А, гляди-ка, обходится без новинок. Об-ходит-ся! Вот в чем суть! Тянет план! А кабы он не обходился, к чему же тут приказы? Сам бы все слету хватал... Так что ж нам делать с Савельевым? Приказ ему? А может, еще техническую милицию завести, с молоточками на фуражках? Как? А чтоб пришел в цех такой милиционер да свистнул Савельеву на ухо: что ж, мол, ты делаешь, друг? Полсмены вхолостую станок гоняешь, когда уже два года новинка на свете живет! Вот тебе месяц сроку: не перестроишь по-питерски, опечатаем станки!

— Милицию?! — обрадовался совсем успокоившийся Захар.— Со свистками? А может, и штраф, а? Не пустил в ход новшества — гони монету, получай квитанцию. Лихо!

— Шуточки! — посуровел Чекмарев.— Ты над этим брось шутить! Нет, вот мы в Харькове на начальника навалились. Тяжеленек был мужичок. А у нас подобралась компания завзятая. Я, парторг, предцехкома — не тебе чета, разумный хлопец... Как пошли по соседским заводам, да натащили от них новинок полну́ коробочку, да как насели! То на собрании, то так, то этак. Взмок! — Чекмарев посмотрел на Савельева и добавил задумчиво:— Нет, и это не основное — наседать. Тут бы интересец придумать...— Он поднялся, глянул на часы и обернулся к Захару: — Ну, все, гражданин следователь? Кончил дознание? А то у меня станок, мне за общественность не платят...

Минуты три тихо было в конторке.

— Бог Гермес! — сказал наконец Савельев.

— Чего? — не понял Захар.

— Бог, говорю, был у древних греков, Гермес! По торговле и промышленности. Такой энергичный божок. Летал по земле, добывал всякие новости, раздавал людям.

— Задаром? — осведомился Захар, явно усомнившись в бескорыстии энергичного бога.

— Ты что расселся?! — вдруг закричал Савельев тонким, визгливым голосом.— Рабочий день, смена, а он лясы точит. Общественник!

Захар умчался обиженный, а Савельев долго еще сидел, сцепив пальцы, и твердил озабоченно: «Бог Гермес... бог Гермес...»

3

Наутро он направился к бородачу.

Чекмаревский дом был открыт всем ветрам. На заречной стороне пластался заводской поселок, а на другой стороне берег дыбился крутым глинистым увалом; на вершинке его сметливый Захар Лещев и выбрал себе место для постройки. Теперь там стоял дом Чекмарева, глядя вниз на реку и поселок двумя широкими окнами...

У реки Савельев неожиданно столкнулся с Лещевыми. Захар в стареньком пиджачке и пестром галстуке вел под руку жену.

— Вы куда? — вырвалось у Савельева.

— К Чекмарю! На обмывочку...

— Какую обмывочку?

— Вот так так! Да сруб-то мы ему уступили! Положено!

— Он за обмывочкой хоть на край света,— сказала Лещева, беззлобно оглядев мужа.

Чекмарева они застали на скамеечке у калитки. Токарь — в шелковой рубашке с молнией он меньше походил на цыгана,— выбритый, посвежевший, сидел, распластав на коленях газету. Рядом в песке играли ребятишки.

— Просвещаемся? — спросил Захар, поздоровавшись, и присел, заглянул в газету.— Что новенького пишут?

— Всякое,— сказал Чекмарев.— Канал вон копают в пустыне...

— Здорово! — одобрил Захар.

— Не спорю. А скоро ль окупится? — озабоченно спросил Чекмарев и посмотрел на Захара и Савельева так, точно это они кладут деньги.— Основное — чтоб оборот деньгам! — Он поднялся, свернул газету, пригласил: — Ну, зайдемте! Иван Севастьяныч, вот уж тебя не дождидал! Э, герой,— окликнул он парнишку, ковырявшегося в песке,— подь-ка сюда!

Мальчишка с опаской смерил бородача, попятился.

— Не жалуют меня ребятишки,— вздохнул Чекмарев.

— Сбрей бороду, пожалуют,— посоветовал Захар.

— Тогда бабы разжалуют,— мягко улыбнулся Чекмарев и ладонью вскинул бороду, обнажил сизое сплетение рубцов.— Подпорчен я маленько...

— На войне?

— По чужой глупости. Дурошлеп один, покойник, неумеючи мину разряжал. А так я целый! Случаем целый! — помолчав, добавил он.— Четверо нас воевало, Чекмаревых. Я минером служил, ближе всех к смерти, и вот — целый. А трое там остались... Да что же это я вас на улице держу? Заходите, гляньте, как я укоренился.

Укоренился Чекмарев основательно. Усадьба, правда, была обнесена не забором, а плетнем, но дом просторный, светлый, с верандой, и островерхий сарайчик, и пустая будка для пса, и дорожки в саду — все было отделано щегольски, старательно. «Аккуратист»,— подумал Савельев. Захар же осматривал «имение» так придирчиво, точно оно предназначалось ему: заглянул зачем-то в подпол, попробовал, прочны ли перильца, сказал, что шифер хуже черепицы, а взойдя на веранду, упрекнул хозяина:

— Э, продешевил, друг! Линолеум бы постлал. Способней...

— Денег не хватило.

— Ну, деньги... Что деньги? Продешевил!

«Ой, артист!» — повеселел Савельев и оглянулся на Лещеву. Жена Захара, простоватая, плоскогрудая женщина, следила за мужем с материнской грустинкой в глазах.

— Не продавать бы нам сруб, Захарушка, как ни то достроили Ь.

— Мы-то? Ну к чему он нам?

— Тесно!

— Нам казенную дадут. Мы с тобой, Агафья, выросли на этом, на общественной собственности. А не дадут, потерпим. В бараке вон жили, одеялом от соседей отгораживались. А теперь-то... Вот еще,— обернулся он к хозяину,— ты под крышей бассейн устрой, Григорий. Чего же воде пропадать? У нас место дождливое...

— Это можно,— согласился Чекмарев.— Полагаешь, вглубь?

— Ну зачем вглубь? — сказал Захар так важно, точно всю жизнь устраивал бассейны при своих домах.— Из кирпича сложи, зажелезни.

Полчаса спустя из магазина примчалась хозяйка, черноволосая, как черкешенка, с гибким девичьим телом и бледным, чуть припухшим красивым лицом. Нацепив передник на черное с глубоким вырезом платье, она заметалась по комнате, собирая на стол, и защебетала, обращаясь то к Захару, то к Савельеву:

— Вы извините, у нас не прибрано... Мебели нет... Так потратились, так потратились! А тут осень, знаете, школьникам...

— У вас школьники? — недоверчиво спросила Лещева.

— Ну, что вы! Это у Гриши. Племянники. Сироты. Братья Гришины погибли, и он... У него и приемная дочь...

— Тоньша! — прикрикнул Чекмарев.

— А что тут такого! И одеваем и обуваем. А знаете, мальчики — на них все горит... Если б не они, мы б... И Глаша, эта студентка, на нее-то расход! А Гриша хочет, чтоб не хуже, чем у других.

Слова хозяйки, как мухи, вились над Чекмаревым и то жалили, то приласкивались к нему, а он, большой, обмякший, сидел, сложив на коленях крупные руки, и то улыбался, то настораживался, то снова улыбался.

— Племяши у меня знатные! — похвалился он, проводив долгим взглядом жену, умчавшуюся на кухню.— Отчаюги! Семеро — все мальчишки! Вот на лето свезу сюда...

— Так ты что ж, кормишь их? — огорошенно спросил притихший Захар.— Семерых?

— Ну зачем семерых? — возразил Чекмарев.— Кормят их матери, и пенсия само собой. А так кое-чем приходится... Болеет младшая невестка!

— А старшей дом построил,— вставила хозяйка, подходя к столу с грудой тарелок.

— Ну, что за дом? — отмахнулся Чекмарев.— В деревне! Избушка...

— Пятнадцать тысяч! — уточнила хозяйка.

— Да ты где деньги берешь? — вскочил Лещев, с опаской косясь на собственную жену.— Резцом-то их скоро не наковыряешь, пятнадцать тысяч!

— Верно, не скоро. Пришлось на Камчатку слетать. Тыщи там зряшные...

— Как зряшные?

— Ну, не все зряшные, допустим,— поправился Чекмарев.— А и лишку, я думаю, платят порядочно. За название! За местность! Камчатка! А что Камчатка? Природа, на мой вкус, вполне допустимая для житья...

— И добыл там тысячи?

— Я там вот еще что добыл! — хвастливо сказал Чекмарев и притянул жену к себе.— Вот кого добыл! Королева?!

— Ты скажешь, Гриша! — кокетливо усмехнулась хозяйка.— Что я за королева?

— Королева! — гаркнул Чекмарев, крепче обнимая жену.

Савельеву стало не по себе. Захар тоже крякнул недовольно, поднял рюмку.

— Ну что ж, Григорий! За дом!

— И за твою казенную!

— Будет у него, балабона! — озлившись, в сердцах бросила Захарова жена и, выхватив у мужа рюмку, звонко чокнулась с хозяином.— Давайте я с вами выпью, Григорий Ильич!

...Потом, оставив женщин убирать посуду, они вышли во двор. Солнце снизилось, и тонкие, с карандаш, тени молодых яблонь разграфили землю, как тетрадочный лист.

— Д-да, раздумаешься...— сказал Чекмарев, как бы продолжая разговор, оборванный в цехе.— Я, Иван Севастьяныч, хор-рошие заводы повидал. И с людьми смелыми, разворотливыми пришлось послужить. То народ! Приказов не ждут, а любую новинку сами хватают, с лету, горяченькой. Да вот обидно: этим-то смелым, разворотливым тяжельше и достается. Сработают они лучше, а мы им и план дюжей поддадим. А другой, глядишь, в затишке от новшеств хоронится, и ему же от нас льгота. План с него снимем, на передовика переложим, а жалованье-то ему, лодырюге, и так и эдак идет. Вот это как повернуть, Севастьяныч?! Каким бы еще интересцем всякого человека и всякий завод к новинкам покрепче привязать? Планом? Деньгой? Еще чем?

«Вот те и рвач, вот те и мелкий собственник!» — досадуя на себя, подумал Савельев. А Чекмарев заметил на изгороди стайку стрижей, примолк, потянулся к ним, но стрижи снялись и понеслись вниз.— Мимо! — пожаловался он.— Не залетают сюда птицы. Поздненько я садом обзавелся...

— Жить ты начал поздненько! — менторски сказал Захар.

— Жить? Что значит жить? А, женился поздно? То правда..

— Человек должен построить жизнь до тридцати годов! — определил Захар.— До тридцати!

— Дальше что?

— Живи! Просто живи...

Чекмарев закурил.

— У этой Глаши, студентки, про какую жинка толковала, мать — мастерица на такие разговоры. Она б тебе ответила: просто только мухи живут, зато и след от них известный.

Захар насторожился.

— Она кем тебе, однако, приходится, наставница эта?

— Так, никем.— затянулся хозяин.— В молодых годах рассорил я ее с мужем. Мужик у нее был безрадостный, мелкой души мужичок,— объяснил он и внимательно посмотрел на Захара.— Выпить, закусить, язык почесать — вся потребность... Ну, и разошлась она по милости моей. Это, выходит, ей благодеяние. А мне ничего...

— Как это? — заинтересовался Захар.— Не пошла за тебя?

— Не признала! Обнимает, ластится, а не идет! Ты, говорит, к земле привязан. Это к тому, что я в ту пору на ученье не поехал. Братья учились, а я стариков на жительство определял, домишко им ставил. Не признала! За ветеринара какого-то вышла. Ученый. Черный, как спичка обгорелая. Худущий — страсти господни. Вышла! Понеслась с ним куда-то за Каспийское море. Овец лечить. Овец! — повторил он горестно.— А я до самой финской войны ни на одну женщину глядеть не мог. Вот оно и вышло поздненько... Восемь лет службы, а демобилизовался, отыскал ее, Анну Федоровну, она снова была свободна: помер ветеринар от лихорадки где-то в песках...

— Сошлись? — спросил Захар с величайшим интересом.

— Нет, не сошлись! Как с ней жить? Она, вишь, особая. Неведомо куда ее завтра мотнет, за Каспий либо еще куда. Тоже насчет овец стала завзятая специалистка. А у меня-то семеро племяшей на руках! Побоялся, закружит...

— Ах, дьявол! — закричал Захар.— Жена молодая, а ту забыть не можешь и дочку ее одеваешь...

— Ну, что там за одеяние! Это Тоньша копейничает. Что я ей купил, Глаше?.. Девчушка видная, а мать, вишь, какая... Сыта-голодна, разута-раздета — это ей ништо. Попрекнешь, а она знай смеется: что, мол, за печаль... Перетерпим!

— Правильно! — вскочил Захар.— А я о чем всю жизнь толкую? Перетерпим! Ин раз и подтянешь ремешок, что тут страшного?!

— Ах, клятый!—разгневался Чекмарев.—Это кто ж тебе велит жинку, детей в черном теле держать, а? Явился на свет с руками-ногами, ну и укореняйся, как положено человеку. Стройся! Одному не в силах — подбирай компанию! А ка-ак же, голубчик?! Перетерпим! Я этого слова выносить не могу! Я и на Савельева потому налетел из-за расценок... Ах, думаю, дуй вас горой, опять на «перетерпим» поедете, когда рядом без движения тыщи лежат и можно без всякого «перетерпим» план двинуть и экономию добыть. Вон еще «терпеливые»,— кивнул он вниз, на порыжевшие от заката новые крыши поселка.— Когда дома поставили, а хоть бы одно деревце насадили! Жители!

...Возвращались от Чекмарева в сумерках. Савельев торопливо шагал по ступенькам, скользя ладонью по теплым перильцам. Ему было и обидно, и совестно, и еще хотелось куда-то спешить и с кем-то браниться. А Захар, слегка хмельной, расстроенный, предчувствуя неизбежный домашний разговор, тащился сзади грозно молчаливой жены и ворчал завистливо:

— Ка-акой облом! Дома ставит... Новинки... На Камчатку за деньгами гонял! Племяши у него! Жадность все-таки...

В речку упали два светлых пятна и, дрогнув, улеглись у моста. Это Чекмаревы зажгли свет в комнатах...

Жан Дескат упражняется со штангой.

Он пришел в спортивный клуб Московского университета после лекций, когда во всех залах начинались тренировки.

— А занимаются ли у вас «дзюдо»? — поинтересовался этот невысокого роста, плотный, весело улыбающийся француз.

— Нет... Но у нас есть секция борьбы «самбо». Эта борьба имеет много общего с «дзю-до», или, как ее чаще у нас называют, «джиу-джитсу».

— «Самбо»? Хотелось бы взглянуть!

Жан Дескат почти свободно говорит по-русски. Он студент-выпускник университета в Бордо. Темой своей дипломной работы Дескат избрал творчество Михаила Шолохова. Сейчас в Московском университете Жан проходит преддипломную практику... Но при чем же тут «дзю-до»? Все объяснялось очень просто. Молодой филолог из Бордо является чемпионом Юго-западного района Франции в этом виде борьбы, обладателем «черного пояса», почетного знака достигнутого им спортивного мастерства.

Стоило Дескату войти в зал, где занимались «самбисты», как в глазах его вспыхнули азартные огоньки.

— О, да, конечно... Очень много общего! Вы позволите?

Француз обернулся к тренеру, жестом показывая, что хотел бы раздеться... И вот уже Жан Дескат на ковре. Он знакомит университетских борцов с приемами «дзю-до» и старается постигнуть особенности «самбо».

Спортсмены обращают внимание на рельефную, отлично развитую мускулатуру Жана.

— Ведь я еще занимаюсь штангой! — объясняет тот.— Мне даже принадлежит один из национальных рекордов в поднятии тяжестей.

— А в каком движении? — раздается вопрос.

— В жиме из положения «лежа».

Ответ француза всех удивил. Советские штангисты, следуя классической школе тяжелой атлетики, не делают таких упражнений. Это удивило, в свою очередь, и Дескатa. Удивляться могут обе стороны. Могут они и спорить. Но настоящие спортсмены всегда находят общий язык, язык дружбы...

Жан Дескат стал приходить на занятия секции «самбо». Хотя исследование материалов о Шолохове занимает много времени, он старается не пропустить ни одной тренировки. А тренируется Дескат так, что пот всегда льется с него градом. И все ближе сходится Жан со своими новыми товарищами. И все с большей симпатией относятся студенты к молодому французу, способному филологу, отличному спортсмену, который, оказывается, еще и неплохо рисует и очень мило поет песни из репертуара Ива Монтана.

В университете на Ленинских горах учится много иностранцев. Не одному только Жану Дескату спорт помог ближе сойтись с товарищами по университету.

Недавно баскетбольная секция пополнилась талантливым игроком. Это восемнадцатилетний студент химического факультета Иозеф Дуда, чех по национальности. У себя на родине, в маленьком городке Угерский Брод, он выступал в местной команде «Спартак». Приехав учиться в Советский Союз, став студентом Московского университета, Иозеф сразу же вступил в спортивный клуб. Сначала он играл лишь за факультетскую команду. Теперь Иозеф Дуда тренируется в центральной баскетбольной секции клуба.

В университетском клубе занятия ведутся по 34 видам спорта. Каждый иностранец, откуда бы он ни приехал, может найти себе секцию по душе. Поляка Тадеуша Заваду увидишь на водной дорожке бассейна, а его земляка Виктора Спрунду — среди фехтовальщиков... Китаец Чжан Цзя-сян предпочитает волейбол, а китаянка Чжан Минань увлекается легкой атлетикой... Немцев, болгар, венгров, корейцев, итальянцев, румын встречаешь среди гимнастов и конькобежцев, боксеров и футболистов, любителей тенниса и энтузиастов шахматной доски.

Обычно студенты-иностранцы занимаются в Москве теми видами спорта, которые полюбили еще у себя на родине. Но бывают исключения, и притом весьма существенные.

Молодой ливанец Спиро Фахури выступал в Бейруте на беговой дорожке, был пловцом и велосипедистом. «К этому я успею вернуться и у себя дома!» — решил Спиро. В Москве же студент из далекой знойной страны решил научиться ходить на лыжах.

Спорт — арена дружбы. И эта арена сближает людей не только под флагами больших международных соревнований.

Е. ШАТРОВ

Спиро Фахури хочет стать лыжником.

Фото Б. Светланова.

К столетию со дня смерти М. И. Глинки

Солнце

М. И. ГЛИНКА. С литографии Бореля.

Профессор Ю. КЕЛДЫШ

«Солнцем русской поэзии» называют величайшего поэта нашей страны Пушкина. Его прекрасный гений осветил весь последующий путь русской литературы. С таким же основанием можно было бы назвать великого современника, друга и единомышленника Пушкина Михаила Ивановича Глинку «солнцем русской музыки». Сопоставление имен Пушкина и Глинки вполне естественно. Историческая роль обоих гениальных художников в развитии русской литературы и музыки, как и самый склад их творчества, представляет много прямых аналогий.

Если Белинский имел право назвать Пушкина первым поэтом на Руси и сказать о его предшественниках, что они «более были предтечами поэта, чем поэтами», то теми же словами можно охарактеризовать и отношения между творчеством Глинки и ранних русских композиторов. Конечно, выражение Белинского следует понимать фигурально. Нельзя думать, что критик отрицал значение деятельности таких поэтов, как Ломоносов, Державин, Жуковский, Батюшков и многие другие. Столь же несправедливо было бы недооценивать многочисленную плеяду талантливых русских композиторов конца XVIII и начала XIX века, которые своим, часто незаметным и скромным, трудом сделали возможным появление в русской музыке фигуры такого гигантского масштаба, как Глинка.

Глинка — первый русский композитор, чьи произведения приобрели непреходящее, классическое значение. Его творчество — одно из высших достижений отечественной культуры, гордость и слава всего русского народа. Он выдви-

русской музыки

нул русскую музыку на одно из первых мест среди ведущих национальных школ европейского искусства. Прав был Чайковский, записавший однажды в своем дневнике: «...Глинка вдруг, одним шагом стал наряду (да! наряду!) с Моцартом, с Бетховеном, и с кем угодно. Это можно без всякого преувеличения сказать про человека, создавшего «Славься!..»

Творчество Глинки явилось отражением того общего подъема русской культуры и роста национального самосознания в широких слоях населения, которые были связаны с крупнейшими событиями общественной и политической жизни России в начале XIX века. Неизгладимое впечатление произвели на композитора еще в детстве героизм и высокая патриотическая сознательность народной массы во время Отечественной войны 1812 года. Формированию его идейных и эстетических воззрений в более зрелом возрасте способствовали общение и дружба с выдающимися передовыми деятелями русской литературы — Пушкиным, Грибоедовым, декабристом Кюхельбекером.

Стремление к правдивому отражению жизни народа, к глубокому проникновению в строй его мыслей и чувств было основным стимулом всего творчества великого композитора. Темы и сюжеты основных, наиболее значительных произведений Глинки связаны с простой, повседневной народной жизнью и бытом или с героическими образами родной русской истории и народного эпоса.

Важнейшим источником его музыкального языка служила русская народная песня, которую он глубоко знал и любил. В своих автобиографических «Записках», рассказывая о том, как в детские годы он слушал оркестровые переложения народных песен в исполнении крепостных музыкантов, Глинка замечает: «...эти грустно-нежные, но вполне доступные для меня звуки мне чрезвычайно нравились... и может быть эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первою причиною того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку». Высокая оценка Глинкой значения народной песни отразилась в известной афористической фразе, сказанной им музыкальному критику и композитору А. Н. Серову: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем».

Было бы ошибочно полагать, что Глинка низводил композитора до роли «аранжировщика», или «обработчика», народных песен. Он отнюдь не пренебрегал использованием народных мелодий, даже таких, которые могли иным утонченным «ценителям» показаться грубыми и вульгарными. Блистательный пример тому гениальная «Камаринская» для оркестра! Но и тогда, когда в основу его сочинения положена подлинная народная песня, Глинка не ограничивался простой ее обработкой, а обогащал ее внутренно, ярко и разносторонне раскрывал заложенное в песне реалистическое образное содержание. Он настолько овладел самыми основами народного музыкального мышления, что создавал собственные оригинальные мелодии вполне в народном духе, но притом отмеченные печатью необычайно сильной и самобытной творческой индивидуальности композитора.

Просвещеннейший друг Глинки В. Ф. Одоевский писал после премьеры «Ивана Сусанина»: «...многие из любителей ожидали услышать в опере несколько обработанных, но известных народных песен — и только.

Но как выразить удивление истинных любителей музыки, когда они с первого акта уверились, что этою оперою решался вопрос важный для искусства вообще и для русского искусства в особенности, а именно: существование р у с с к о й оперы, р у с с к о й музыки, наконец, существование вообще н а р о д н о й музыки». Глинка, по словам Одоевского, «...доказал блистательным опытом, что русская мелодия, естественно то заунывная, то веселая, то удалая, может быть возвышена до трагического стиля».

Постановка первой оперы Глинки на сцене Большого петербургского театра 27 ноября 1836 года — знаменательная веха в истории русской художественной культуры. Одоевский верно оценил появление этой оперы как начало нового, классического периода русской музыки.

Глинка выступил с «Иваном Сусаниным» уже вполне сложившимся мастером, после ряда лет упорной работы, творческого самосовершенствования. Произведение это характеризуется глубиной замысла в сочетании с высокой зрелостью и законченностью художественного воплощения. Сделав героем оперы простого костромского мужика, пожертвовавшего жизнью ради спасения родины в трудную для Руси историческую пору, Глинка придал этому образу черты величавой, монументальной эпичности. Ярко и драматично обрисован народ, борющийся за свободу и независимость своего отечества.

Напряженно развертывающаяся драматургия оперы основана на последовательном противопоставлении музыкальных характеристик русского народа и надменно-хвастливой польской шляхты. Этот удачный контраст двух характеров в музыке оперы отметил Гоголь, сочувственно откликнувшийся на постановку «Ивана Сусанина» в своих «Петербургских записках 1836 года». Глинка, писал Гоголь, «счастливо умел слить в своем творении две славянские музыки; слышишь, где говорит русский и где поляк: у одного дышит раздольный мотив русской песни, у другого опрометчивый мотив польской мазурки».

Подлинным трагизмом проникнута сцена гибели Сусанина в лесу, где конфликтное противопоставление борющихся сил достигает предельного обострения. Однако Глинка не заканчивает оперу гибелью героя. В грандиозном хоровом эпилоге утверждается идея бессмертия народа и неисчерпаемости его сил. Заключительный хор «Славься..!», охарактеризованный самим композитором как «гимн-марш», представляет собой, по верному замечанию В. В. Стасова, «неоспоримо высший и совершеннейший народный гимн, какой когда-либо раздавался в России».

Возвышенный трагический пафос и монументальная эпичность, жизненная правдивость в обрисовке народного быта и действующих лиц — все это поднимает «Ивана Сусанина» до одной из величайших вершин реалистической оперной драматургии.

Следующее оперное произведение Глинки, написанное по поэме Пушкина «Руслан и Людмила» (поставлена 27 ноября 1842 года), во многом отличалось от «Ивана Сусанина». Здесь действие носит сказочный характер, большое место отведено элементам волшебной фантастики. Однако под оболочкой сказочного повествования в опере Глинки находят выражение высокие моральные идеалы и подлинные, живые страсти реальных людей. В образах главных действующих лиц композитор воспевает доблестный героизм и мужество, стойкость в жизненных испытаниях, верность долгу и чувству. И в этом отношении «Руслан и Людмила» продолжает линию «Сусанина».

Некоторые критики (особенно А. Н. Серов) упрекали Глинку в том, что он искусственно «осерьезил» образы легкой, шутливой пушкинской поэмы, отяжелив действие оперы. Эти упреки вряд ли можно признать справедливыми. Как известно, «Руслан и Людмила» написана Пушкиным в ранние, юношеские годы. Когда Глинка спустя более пятнадцати лет приступил к сочинению оперы на сюжет этой поэмы, ее пародийная сторона во многом уже потеряла свою остроту. Сам поэт, живо заинтересовавшийся оперным замыслом Глинки, говорил ему, что многое переделал бы в своем юношеском произведении. Вскоре после этого разговора Пушкин погиб на дуэли, и поэтому его творческое сотрудничество с Глинкой не смогло осуществиться. Трудно сказать, пошел ли бы Пушкин в переработке «Руслана и Людмилы» по тому же пути, по которому шел композитор при составлении плана оперы. Но мы

«Иван Сусанин» в Большом театре СССР. Сцена из 1-го действия.
Фото А. Горнштейна.

можем с полной уверенностью утверждать, что, отбирая одни элементы пушкинской поэмы и отказываясь от других, переставляя акценты и частично изменяя характеристики действующих лиц, Глинка ни в чем не исказил Пушкина и не внес в свою оперу ничего такого, что находилось бы в коренном противоречии с поэтическими намерениями Пушкина.

Некоторая медлительность развертывания действия в «Руслане и Людмиле», преобладание картинно-повествовательных элементов над напряженно-действенными — таковы свойства эпической оперной драматургии, создателем которой явился Глинка. Линия эпической народной оперы получила впоследствии широкое развитие в русской музыке второй половины XIX века, особенно у Бородина и Римского-Корсакова.

В «Руслане и Людмиле» блестяще раскрылся изумительный колористический дар Глинки, его замечательное мастерство красочной звуковой живописи. Он находит здесь новые, необычные для того времени музыкальные средства раскрытия фантастических образов, иногда лаконично обрисовываемых несколькими яркими и сочными штрихами, а иногда развертываемых композитором в большие, широкие полотна симфонического плана.

Гениальной находкой Глинки было использование музыки восточных народов для изображения волшебного царства Наины и владений злого колдуна Черномора. Противопоставления величавых, эпических образов древней Руси и сказочного, фантастического мира приобретает здесь вполне реальный, жизненный характер. Основания для такой трактовки фантастических образов имеются в самой поэме Пушкина. Кроме того, Глинка мог опереться и на произведения народного боевого эпоса. Одним из основных мотивов русского героического эпоса является борьба Руси со степными кочевниками, изображение которых часто выливается в фантастическую форму.

Глинка использовал в «Руслане и Людмиле» кавказские, татарские, арабские, персидские мелодии, разрабатывая их с исключительным мастерством и глубоким проникновением в строй музыки восточных народов. Оригинальные эпизоды «Руслана и Людмилы» послужили основой для целой большой области «музыки о Востоке» в творчестве русских композиторов, особенно ярко представленной произведениями Балакирева, Бородина, Римского-Корсакова.

Кроме двух монументальных, глубоко народных по духу опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», Глинкой были созданы выдающиеся произведения и в других областях музыкального творчества. Чайковский считал, что Глинка по складу своего дарования был прежде всего замечательный, несравненный симфонист, хотя он и написал сравнительно небольшое количество самостоятельных оркестровых сочинений. В своем симфоническом творчестве Глинка широко разрабатывал образы, мелодии и ритмы народной песни и танца. Таковы его грациозно-задумчивый, поэтический «Вальс-фантазия», полные огня и жизни, темпераментные, сверкающие богатством красок «Испанские увертюры» и особенно непревзойденная «Камаринская», в которой вся русская симфоническая музыка, по известному выражению Чайковского, заложена «подобно тому, как весь дуб в желуде». Наконец, музыка к трагедии Н. Кукольника «Князь Холмский» представляет собой целую инструментальную драму с рельефно очерченными характеристиками и последовательно развивающимся сквозным музыкальным действием. Надолго пережив слабую и фальшивую пьесу малодаровитого писателя, музыка Глинки заняла подобающее ей место на симфонической эстраде.

Широкую популярность завоевали романсы Глинки, в которых пленяющая простота, искренность и непосредственность выражения чувств совмещаются с идеальной чистотой отделки и отточенностью формы. Вокальная лирика Глинки отличается большой широтой эмоционального диапазона, богатством образов. В ней представлены разные национальные характеры: русский, украинский, польский, еврейский, испанский, итальянский,— раскрывается сложный и многообразный душевный мир человека. Подлинными жемчужинами камерного вокального жанра являются глинковские романсы на слова Пушкина. Композитор достигает в них удивительного соответствия музыки характеру поэтического текста: музыка Глинки сливается с пушкинским стихом в такой совершенной гармонии, что кажется неотделимой от слов, точно бы она родилась вместе с ними.

Простота, ясность и задушевная искренность эмоционального тона, возвышенное благородство самого строя чувств и величайшая эстетическая требовательность — отличительные черты всего творчества Глинки. Отразив в своей музыке богатую гамму человеческих переживаний — от непритязательных, порой сентиментально окрашенных лиризмом до высокой трагедии,— Глинка неизменно стремился к гармоничности, изяществу и законченности художественного воплощения. В этом смысле прав был критик Г. А. Ларош, назвавший Глинку «самым классическим, самым строгим и чистым между первоклассными композиторами 19 столетия».

Продолжая глинкинские традиции, последующие русские композиторы расширяли и обогащали их, затрагивали новые темы, требовавшие и иных форм музыкального воплощения. При этом, может быть, Чайковский достиг в своих операх и оркестровых сочинениях большей широты и мощи симфонического размаха, Мусоргский сильнее и глубже сумел передать драматические стороны народной жизни, Римский-Корсаков превзошел Глинку в богатстве и роскоши оркестровых звукописных средств. Но в творчестве Глинки, проникнутом ясным и цельным мироощущением, с необыкновенной гармоничностью сочетались различные элементы, развивавшиеся затем отдельными представителями русской музыкальной школы. Именно эта исключительная внутренняя цельность и многосторонность творческого облика ставят Глинку на особое место среди великих русских композиторов и придают его произведениям значение вечно прекрасного и неувядаемого образца.

МУЗЫКА ГЛИНКИ В ДОМЕ КАРЛА МАРКСА

Е. КАНН-НОВИКОВА

В один из декабрьских дней 1872 года Карл Маркс получил из России письмо.

«Около двух лет назад я...— писал Марксу его русский корреспондент Николай Даниельсон,— по просьбе «нашего общего друга», послал Вашей дочери с английским судном несколько русских опер; не знаю, получила ли она их. Мне очень хотелось бы знать, какое впечатление произвели на Вас и на Вашу семью эти оперы».

Ответ последовал незамедлительно. Выражая признательность корреспонденту за присылку различных русских изданий, Маркс писал:

«Оперы тоже были получены своевременно и доставили моей дочери большое удовольствие. Но она думала, что они были посланы ей одной знакомой русской дамой, а теперь просит меня передать ее сердечную благодарность неизвестному отправителю».

Что это за оперы? По чьей просьбе и в связи с чем были они посланы? Почему так интересовался отправитель впечатлением, которое они произвели в семье Карла Маркса?

...Как-то раз, летом 1870 года, на пороге лондонского дома Маркса появился незнакомец. После первых приветствий выяснилось, что это русский политический эмигрант Герман Александрович Лопатин. Совсем недавно он совершил побег из царской тюрьмы за границу, вступил в парижскую секцию Первого Интернационала, а теперь прибыл в Лондон, чтобы встретиться с Карлом Марксом.

Оживленная беседа, начавшись утром, затянулась до полуночи. С этого дня Герман Лопатин не только завоевал сердечную дружбу Карла Маркса, но стал близким человеком в его семье. Дочери Маркса наперебой стали обучать английскому языку «нашего общего друга» (так конспиративно называли Лопатина Маркс и его русские корреспонденты), а тот получил драгоценное право войти в дружескую среду, окружавшую великого вождя мирового пролетариата.

Все свободное время Маркс безраздельно отдавал семье, живо вникая в интересы каждого.

Музыка была едва ли не главным украшением семейных вечеров в маленьком загородном домике Маркса. Как вспоминают его современники, Маркс был большим поклонником музыки, а старшая его дочь, любимица Женни, «полностью разделяла восхищение своего отца классической музыкой».

В ту самую пору, когда в семейный круг Карла Маркса вошел близким человеком русский революционер Герман Александрович Лопатин, особенно ярко определился интерес Маркса к России. На пятидесятом году жизни он серьезно начинает изучать русский язык и в короткий срок овладевает им настолько, что свободно читает в подлинниках и научные русские книги и художественную русскую литературу.

Лучшие произведения русской словесности становились в известной мере достоянием всей семьи Маркса. Иначе обстояло дело с русской музыкой. Знакомство с нею Марксу и его детям осуществлять было гораздо труднее: русская музыка еще очень медленно пробивала себе дорогу за рубежами отечества.

Правда, в бытность Маркса и его дочерей в Лондоне в 1860 году там состоялись «Русские концерты», где наряду с другой русской музыкой исполнялись симфоническая фантазия Глинки «Камаринская» и отрывки из его опер. Неизвестно, посещал ли русские концерты сам Маркс или кто-либо из его семьи. Но многочисленные отклики на них в английской прессе вполне могли привлечь их внимание. Во всяком случае, еще за десять лет до знакомства с Германом Лопатиным для Маркса и его взрослых дочерей уже достаточно внушительно прозвучало имя Михаила Глинки.

Все же для близкого знакомства с творчеством гениального русского композитора этого было мало. И вот посредником в этом деле становится Герман Лопатин. Начав еще в Лондоне работу над переводом «Капитала» Карла Маркса, Лопатин вскоре возвращается на родину с намерением помочь Н. Г. Чернышевскому бежать из сибирской ссылки. Политического эмигранта в царской России ждут полицейский надзор и арест. Казалось, где уж тут думать о «музыкальных посылках» в Лондон юным приятельницам! Но Лопатин и думает и хлопочет. Красноречиво говорит об этом письмо Н. Даниельсона, посланное Марксу в Лондон из Петербурга в конце января 1873 года:

«Около двух лет назад «наш общий друг» просил меня, во время своего пребывания здесь и позже, в письмах ОТТУДА (то есть из иркутской тюрьмы, где отбывал тогда заключение Лопатин. — Е. К.-Н.), переслать Вашей дочери несколько опер, чтобы тем хоть как-нибудь отблагодарить ее за ту помощь, которую она ему оказала, преподавая ему английский язык. Впоследствии он справлялся, выполнил ли я его просьбу. В следующем письме я передам ему благодарность его бывшей учительницы».

В скупом комментарии к переписке К. Маркса с Н. Даниельсоном в связи с этим сказано:

«Речь идет об операх Глинки «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», присланных Даниельсоном, по просьбе Лопатина, старшей дочери Маркса — Женни».

Правда, ни Маркс, ни Даниельсон в этих письмах ни разу прямо не называют имени Глинки. Вместе с тем приведенный комментарий опирается на бесспорное свидетельство. Еще в 1908 году были опубликованы «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю-ону» (псевдоним Н. Ф. Даниельсона). Письма эти вышли в переводе Г. А. Лопатина и были сопровождены объяснительной запиской, составленной Даниельсоном. В этой-то публикации, в которой, разумеется, непосредственно участвовали и переводчик и сам публикатор, и было впервые определенно указано, что речь идет именно об операх Глинки. Кроме того, как уточнялось далее в комментарии, эти оперы Глинки были пересланы Николаем-оном, по просьбе Г. А. Лопатина, старшей дочери Маркса, Женни, чтобы познакомить ее немного с русской музыкой.

Нет, стало быть, никаких сомнений в том, что в посылке, проделавшей путь от С.-Петербурга до Лондона, содержались оперные клавиры Михаила Глинки.

То, что Лопатин выбрал из русской музыки оперы Глинки, вполне понятно. Русской демократической интеллигенцией шестидесятых годов искусство Глинки воспринималось как одно из прогрессивнейших явлений отечественной культуры. Музыка Глинки неотрывно связывалась в сознании передовых людей России с представлением о народности подлинного искусства.

Новая волна общественного внимания к Глинке, несомненно, была подготовлена блистательным триумфом, который сопровождал постановки его опер в Праге в конце шестидесятых годов, и многочисленными откликами на эти спектакли в русской и иностранной прессе.

Такова была общественная атмосфера вокруг имени великого композитора, когда Г. А. Лопатин, будучи в Лондоне, сблизился с Марксом и его семьей и вознамерился приобщить их к русской музыке. Какая же иная музыка, кроме глинкинской, могла более достойно, более полно, более художественно представить русское музыкальное искусство? Красноречивым ответом на вопрос и явились клавиры двух опер Глинки, столь заботливо выбранные Лопатиным для отсылки в Лондон и ставшие предметом его забот в переписке из заключения.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Дневник и письма Ф. Дзержинского

«Старая партийная гвардия» — это ленинская оценка старых пролетарских революционеров-большевиков. Одной из самых замечательных фигур среди них, несомненно, был Феликс Эдмундович Дзержинский.

Железный Феликс! Герой Октябрьского восстания и один из его руководителей, гроза буржуазии, верный рыцарь пролетариата, благороднейший борец коммунистической революции, вечный труженик и бесстрашный солдат великих боев — так сказано в обращении ЦК и ЦКК Коммунистической партии «Ко всем членам партии, ко всем рабочим, ко всем трудящимся, к Красной Армии и Флоту» по поводу неожиданной кончины Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Ф. Э. Дзержинский в Орловской губернской тюрьме. 1914 год.

И вот перед нами любовно собранные, подготовленные женой и другом Ф. Э. Дзержинского Софьей Сигизмундовной Дзержинской и тщательно изданные «Молодой гвардией» тюремный дневник и письма Феликса Эдмундовича.

Можно смело сказать: во всей мировой — не только российской — революционной литературе мало документов такой глубоко волнующей силы, какие вылились из-под пера Дзержинского. Они изумляют нас, современников Дзержинского, они не могут не окрылять, не облагораживать молодое поколение строителей коммунизма.

В дневниках и письмах все революционно чисто, все душевно прекрасно. Эпиграфом к книге могут быть слова, написанные Дзержинским в ночь под новый 1909 год в одиночке Варшавской цитадели: «Сегодня — последний день 1908 года. Пятый раз я встречаю в тюрьме Новый год (1898, 1901, 1902, 1907); первый раз — одиннадцать лет тому назад. В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в правоте нашего дела. И теперь, когда, может быть, на долгие годы все надежды похоронены в потоках крови, когда они распяты на виселичных столбах, когда много тысяч борцов за свободу томятся в темницах или брошено в снежные тундры Сибири, — я горжусь».

В те страшные дни столыпинской реакции большое сердце этого несгибаемого человека, израненное звоном кандальных цепей, измученное криками ведомых на смертную казнь, трепетало от радостного сознания, что, несмотря ни на что, огромные народные массы приведены в движение и в их среде зреют свежие силы для грядущих битв. Он гордился тем, что всегда был с народными массами.

Как в начале девятнадцатого века юноша Герцен вместе с другом Огаревым дал на Воробьевых горах Москвы аннибалову клятву борьбы с крепостническим царизмом, так в конце века в Вильне 17-летний Феликс вместе с молодыми товарищами дал священную клятву бороться со злом до последнего дыхания. «Уже тогда мое сердце и мозг,— вспоминал впоследствии Дзержинский, — чутко воспринимали всякую несправедливость, всякую обиду, испытываемую людьми, и я ненавидел зло».

Суровую жизнь прожил Феликс Эдмундович. Из двадцати трех лет неутомимой революционной деятельности в период царизма одиннадцать трудных, порой невыносимых лет он провел в тюрьмах, ссылках, на каторге. Дзержинский неоднократно совершал опаснейшие побеги из ссылки. Но нигде и никогда он не терял бодрости духа, светлой веры в творческие силы жизни. Закованный в кандалы, Феликс Эдмундович писал летом 1914 года о том, что душа его полна песнью родных лесов и лугов, полна любовью и верой в лучшее будущее. «И чем ужаснее ад теперешней жизни,— писал он,— тем яснее и громче я слышу вечный гимн жизни, гимн правды, красоты и счастья, и во мне нет места отчаянию».

Глубокой человечностью веет от писем Дзержинского, когда он пишет о том, каким должно быть молодое поколение борцов. Нельзя без волнения читать письма к его сестре Альдоне о ее детях, к жене Софье Сигизмундовне о сыне Ясе, которого Дзержинский увидел в первый раз, когда тому исполнилось семь лет. «Быть светлым лучом для других,— писал он летом 1913 года,— самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, какого он только может достигнуть. Тогда человек не боится ни страданий, ни боли, ни горя, ни нужды. Тогда человек перестает бояться смерти, хотя только тогда он научится по-настоящему любить жизнь».

Когда вслед за Петроградом в февральские дни 1917 года поднялась Москва, восставшие явились к Бутырской тюрьме. Раскрылись кованые ворота, и пламенный Феликс был вынесен на руках восставшим народом. Ф. Э. Дзержинский в тюремном халате и арестантской шапке прямо из тюрьмы во главе радостно взволнованной толпы очутился среди нас, большевиков, и со всей горячностью, ему свойственной, вступил в бурный поток революционной борьбы. «Я уже с головой ушел в свою стихию»,— писал он вскоре Софье Сигизмундовне.

Тюремный дневник и письма Ф. Э. Дзержинского — документы большого идейного накала. Они написаны Человеком с большой буквы!

Проф. Б. ВОЛИН,
член КПСС с 1904 года.

Феликс Дзержинский. Дневник и письма. Изд-во «Молодая гвардия». 1956. 191 стр.

УТРО РЕВОЛЮЦИИ

За последние годы среди советских писателей усилилось желание осмыслить события первых лет революции и гражданской войны.

Это и понятно. Поколение, судьбы и мировоззрение которого формировались в грозных революционных событиях, пройдя вместе с Советской властью сложный и трудный путь возмужания, теперь вновь и вновь пытается лучше и полнее, чем в годы первой молодости, понять свое место в событиях, изменивших в 1917 году лицо всего мира.

Одной из таких попыток является книга Августа Явича «Утро». Главная проблема, которая волнует автора,— это путь молодого человека, вышедшего из среды русской интеллигенции, его сомнения, заблуждения и ошибки, искупленные верностью идеалам революции, борьбой за них и умением подчинить свое личное великому общему делу.

Главный герой романа — Андрей Руднев, молодой человек, вступивший в большевистскую партию весной 1918 года, сын врача, вчерашний студент. Его судьба на протяжении немногим более года, начиная с осени восемнадцатого и трудной героической зимы девятнадцатого, — вот основная сюжетная линия романа. Работа в губернской революционной газете, уход на фронт, возвращение в родной Варяжск, под которым легко угадывается Воронеж,— таков путь Андрея. Под натиском белых Красная Армия временно оставляет Варяжск. Андрей попадает в плен к белым, выдерживает весь ад тюремного заключения; только возвращение красных в город спасает Андрея от неминуемой казни. И снова на фронт — драться за революционную Россию.

Судьба Андрея Руднева тесно переплетается с судьбами революции, судьбами родной страны.

Автор стремится охватить в большом романе все слои русского общества времен гражданской войны и прежде всего показать народ, свершающий революцию. Значительное место занимает в романе изображение русской интеллигенции: и лучшей ее части, из среды которой вышел Андрей Руднев, и обуржуазившейся, скатившейся в лагерь контрреволюции. Таковы родственники Ани Коломниной, ставшей подругой Андрея и нашедшей в себе силы порвать со своей семьей. Образ искренней и цельной Ани — несомненная удача автора. Характер Андрея Руднева, хотя и ярок и привлекает к себе симпатии читателя, не всегда психологически точен: то Андрей, в самом начале романа, высказывает весьма верные и зрелые мысли, в частности, порицает доверчивость как детскую болезнь, то совершает непростительную в условиях гражданской войны ошибку, поручившись перед солдатами за брата Ани, белого офицера Коломнина, убежденного врага революции, в штабе которого зверски замучили красноармейца Степана Кукина, близкого друга Андрея.

Август Явич, несомненно, обладает индивидуальной манерой и стилем, и тем более досадны некоторые прегрешения против жизненной правды и внутренней логики развития им же созданных характеров. Это особенно относится к концу романа.

Страдает роман в известной мере и ненужной риторикой и тем, что автор не всегда умеет скрыть, когда это требуется, свое авторское я, которое слишком сильно сказывается в речи героев, часто им индивидуально несвойственной.

В целом же роман Явича написан с подкупающей страстностью, он ставит большие, не до конца решенные в нашей литературе проблемы.

Тих. СЕМУШКИН

Август Явич. Утро. Роман в двух книгах. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1956. 576 стр.

Большой путь

У каждого писателя есть своя излюбленная тема, тот жизненный материал, который он лучше всего знает. Есть такая тема и у Виссариона Саянова — это революционное прошлое нашего народа. Одни события — кануна революции — он наблюдал собственными глазами в юности, в других принимал непосредственное участие.

Свой творческий путь В. Саянов начал в 20-х годах. Тогда вышли два его поэтических сборника: «Фартовые года» и «Комсомольские стихи». Это были поиски писателя, поиски жанра, творческой манеры. Но тема была уже найдена. В 1927 году поэт писал:

Тот, кто умер
За народ,
В светлой думе
Не умрет!

С годами поиски продолжались, но тема оставалась прежней: героика революционного народа. Взять ли поэму «Ленин в Горках» или роман в стихах «Колобовы», поэму «Слово о Горьком» или роман «Страна родная» — всюду можно найти непосредственных участников славных революционных событий. На первый взгляд может показаться даже, что В. Саянов — писатель-историк. Но дело в том, что обращение к прошлому нужно писателю не само по себе: писатель показывает преемственность традиций революционных поколений нашей страны. Автор все время говорит, что события прошлых лет послужили настоящей школой для его героев, в которой закалялись их характеры. Писатель не раз подчеркивает, что решающее влияние на судьбы его героев оказали подполье, большевистская партия, В. И. Ленин. Так, в романе «Колобовы» автор непосредственно изображает встречу большевика Михайлова с Владимиром Ильичем в Женеве. Эта встреча для мастерового Михайлова была большим откровением.

Недавно в Ленинграде вышли избранные произведения В. Саянова в двух томах. Мы видим, что писатель нашел себя и свой жанр. Он стал романистом, но остался верен своей теме. Почти оба тома занимают большие романы: «Небо и земля» и «Лена». Двухтомник в основном представляет В. Саянова-прозаика. Его поэтическое творчество, начавшееся еще в 20-х годах, отражено в сборнике явно недостаточно.

Роман «Небо и земля» начат был писателем в 30-х годах, но завершен только в 1948 году. Роман охватывает большой исторический период — начиная с эпохи столыпинской реакции и кончая событиями Великой Отечественной войны. На всем протяжении книги мы с большим вниманием следим за судьбой трех русских летчиков: Быкова, Победоносцева и Тентенникова. Автор проводит своих героев, спаянных воедино дружбой, через годы империалистической и гражданской войн.

Яркие образы русских летчиков, честных и преданных своей Родине,— серьезная удача писателя. Он умеет также правдиво воссоздать историческую среду, в которой живут и борются его герои.

Роман «Лена» — это тоже огромное эпическое полотно. Саянов, проведший свое детство в Сибири, в тех местах, где развертываются события романа, показал безотрадную жизнь рабочих-шахтеров на Ленских приисках. Во главе стачечного движения стоит большевик Павел Матюшин, прошедший серьезную школу революционного подполья. Этот образ автор нарисовал ярко и тепло. Исторические события писатель передает через жизнь одной семьи, и это, пожалуй, главная особенность В. Саянова-романиста.

В этом году исполняется сорок лет Советской власти. За сравнительно короткий срок наша литература одержала немало побед. И среди писателей, кто одерживал эти победы, находится и Виссарион Саянов. На все литературные споры он отвечал делом: писал книги. Правда, его романы не всегда написаны ровно, но мы чувствуем, что они созданы талантливой рукой писателя, у которого горячее сердце, любящее Родину.

Н. ПИЯШЕВ

Виссарион Саянов. Избранные произведения в двух томах. Изд-во «Советский писатель».

В антракте „ЩЕЛКУНЧИКА"

Галина ШЕРГОВА Фото Я. РЮМКИНА.

Со своей маленькой приятельницей — московской второклассницей — мы сидели на премьере балета «Щелкунчик». Спектакль этот идет уже много лет. Но каждый год в нем заняты все новые учащиеся Хореографического училища Большого театра СССР. Поэтому каждый сезон «Щелкунчик» — это премьера для юных участников.

Крошечная героиня балета Машенька заснула и уже в следующем акте превратилась в прелестную взрослую девушку. Спектакль шел своим чередом. Но вдруг моя спутница зашептала:

— А что же было в антракте? Что с ней произошло за антракт, как она жила и росла?

И действительно, что происходит с маленькой балериной «между первым и вторым актами», точнее, за те годы, когда она становится вот такой грациозной и блистательной танцовщицей?

И я отправилась туда, где проходят эти годы,— в Хореографическое училище.

Вместе со мной во двор на Пушечной улице вошла группа иностранцев. Как мне сказали позднее, почти каждый день сюда заглядывают приезжие, чтобы познакомиться со школой великого русского балета. Возле подъезда толпились маленькие танцовщицы, шла игра в снежки, и через минуту к пальто одного из гостей прилип снежок. Переводчица, сопровождающая группу, была сконфужена, но гость пришел в восторг.

— О, с какой грацией это сделано! — воскликнул он.— А потом, это же свидетельствует о том, что они дети, обыкновенные дети!

Таким образом, «подступы» к училищу ничем не отличались от «подступов» к обычной школе. Но едва мы переступили порог, как попали совсем в иную обстановку. Отовсюду неслась музыка, и девочки в розовых хитонах разгуливали по коридорам, ставя при этом носки в стороны.

Легче всего, пожалуй, рассказать о жизни балетного училища с помощью фотографий. Раскроем же «фотоальбом» и проследим по снимкам, что происходит между первым и вторым актами «Щелкунчика»...

А вот старейший педагог Е. П. Гердт поучает девочку:

— Кокетливей, дружок, расцветай, расцветай в движении! — И это тоже правомерно здесь.

За 183 года существования училища целые династии танцоров вышли из этих классов. И многие имена педагогов широко известны. Поэтому и приезжают сюда балетмейстеры из многих стран — посмотреть и, быть может, поучиться.

Справа — преподавательницы Бухарестского хореографического училища Лулу Росс и Иоланта Паскелуца.

→ Мальчики и девочки самых разных возрастов не многим уступают в трудолюбии знаменитым балеринам.

Когда после приемных экзаменов (из 1 500 претендентов отбирают 70) десятилетний человек вступает в мир балета, он знает, что девять лет его жизни в училище — это труд, труд и труд: кроме специальных дисциплин, нужно пройти курс общеобразовательной школы.

↓ Переворачивая страницы альбома, точно приоткрываешь двери в танцевальные залы. И, кажется, слышишь предупреждение педагога Г. П. Петровой:

— Не смотреть в чужие тетради, самостоятельно!

Вы понимаете, тетрадки тут заменяет обрызганный водой пол, но педагогическая терминология обычна для всякого школьника.

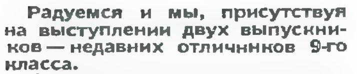
А на этом снимке мы тоже видим иностранцев, но уже питомцев училища. Можно догадаться, о чем они разговаривают. Вероятно, албанцы Луан Ферико Штино (четвертый слева) и Мильтиад Папа (первый справа) рассказывают, как шестеро земляков, окончивших в прошлом году училище, восхищают ныне Тирану таинствами, постигнутыми на Пушечной улице. А кореянка Цой Ен За (первая слева) говорит:

— А как Пхеньян аплодировал второму акту «Лебединого озера», поставленному нашим однокашником Ю Ен Гыном!

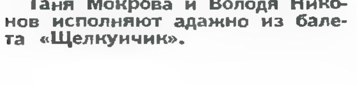
Американка Ася Стивенс (вторая справа) и болгарка Красимира Калдамова (третья справа) рады успехам своих коллег.

Солидное расписание! Пожалуй, не умей эта девочка так легко подниматься на носки, ей бы и не прочесть его.

Радуемся и мы, присутствуя на выступлении двух выпускников — недавних отличников 9-го класса.

Таня Мокрова и Володя Никонов исполняют адажио из балета «Щелкунчик».

А какое отношение имеет к занятиям столовая? Самое прямое. Ребята проводят в училище почти весь день, даже уроки они готовят здесь же; поэтому необходимо подкрепиться. Большинство учащихся получает в училище бесплатные обеды.

Заканчиваем знакомство с будущими мастерами балета в пионерской комнате.

Я спросила детей, что они больше всего любят, кроме балета. Хор получился нестройный:

— Выпиливать! Вышивать! Фотографировать! Драмкружок!

И чей-то тоненький голосок произнес последним:

— Играть в куклы!

Мы закрываем альбом. Пусть посмотрит его и моя маленькая спутница на спектакле Большого театра. Может быть, и она сможет представить, что происходит с героиней «Щелкунчика» между двумя актами: как она растет, живет, как к ней приходят красота и грация.

АВСТРАЛИЙСКИЕ РАССКАЗЫ

Катарина Сусанна ПРИЧАРД

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

МОСТ

Новый мост, построенный через капризную, медленную реку Сьену, возвышался изящным сооружением из бревен рябинового дерева, обшитых тонкими досками. Он покоился на осмоленных сваях, перила его и решетки были выкрашены в белый цвет.

— Хорош мостик, правда, Чарли?

Инженер Браент стоял на зеленом склоне холма, на полпути между посеревшей от непогод и ливней хибаркой бабушки Ален и правым берегом реки. Он курил и размышлял, глядя на мост, родившийся из его мечты, чертежей, планов, беспокойных мыслей и перебранок с местными властями.

— Да, черт возьми! — весело ответил Чарли Лонэген.

Он был правой рукой Браента во время стройки и после официального открытия моста намеревался отвезти инженера на ближайшую железнодорожную станцию, примерно за сто миль от строительства. Чарли только что спустился от бабушки Ален сюда, где стоял босс.

— Не пора ли заняться церемонией открытия, раз нам придется это делать? — спросил он. — Мне хочется поспеть в Унгу на свадьбу Молли Макарти.

Браент кивнул головой. Местные жители едва бы узнали его в костюме из шерстяной шотландки в крапинку. Они привыкли к тому, что он всегда появлялся в брюках, пожелтевших от прибрежной глины, в выгоревшей голубой рубашке. Они часто видели его стоящим, как сейчас, на этом самом месте под палящим солнцем, с непокрытой головой в волнах густых темных волос, с сосредоточенным лицом: мысли его были поглощены какими-то очередными трудностями, связанными со строительством. Рассказывали, что за все время стройки моста инженер думал и говорил лишь о мосте.

— В некоторых местах считают, что мост только тогда будет прочным, если во время стройки погибнет человек, — сказал он. — Этот мост не унес ничьей жизни. И я очень рад, что никого не убило и не покалечило... Мостик получился славный, не хуже любого деревянного моста в Австралии. И уж если он устоял в дни наводнения, то теперь сможет выдержать что угодно.

— Угу... — ответил Чарли, растирая табак на ладони. — Но ведь мы чуть не лишились моста во время наводнения в прошлом году, правда?

— Да, все висело на волоске, — инженер с облегчением рассмеялся. — Если бы я не вырвал лошадей у старика Джо Гейнса и не опередил наводнение на два часа, мы бы потеряли мост. Я уже думал, что никогда не выберусь из Унги. И ты воображаешь, что Гейнс охотно дал мне пару лошадей? Как же, разживешься у него, старого черта! Уж как я его уговаривал, все, что мог, пустил в ход. И в конце концов он все-таки дал.

— Свинья!

В голосе Чарли звучала горечь, которая едва ли могла быть вызвана рассказом инженера.

Улыбка мелькнула в глазах Браента при воспоминании, как он достал лошадей у владельца ветхой пивной под названием «Унга Ривер Отель» — единственного обитаемого места на длинном пути от заведения Андерсона до Сьены.

— Я так и назвал его тогда, — сказал он. — Я ездил в Орбост, надо было встретиться с этими допотопными чертями из муниципалитета, а по дороге домой мы немножко выпили у Андерсона. Один парень с верховья реки сказал мне там, что Том Кросс спустил с лесоразработок бревна вниз по реке, и они скопились в бухте, и если не успеют проплыть под мостом до наводнения, то уж, конечно, эти проклятые бревна развалят мост.

...А наводнение вот-вот начнется. Трое суток подряд в горах шел дождь. Я знал, что парень прав, и сразу выскочил; всю ночь гнал лошадей и приехал в Унгу на следующее утро. Но лошади, которых я получил у Андерсона, совершенно выдохлись. Попросил Джо Гейнса дать мне другую пару или осла, но не тут-то было!

Чарли уже слышал эту историю, но ему хотелось узнать от самого босса, как все произошло.

Браент продолжал:

— Я затащил его в бар, поднес две или три кружки — не помогло. Он все равно отказался дать мне лошадей... Должен тебе сказать, что чувствовал я себя отвратительно, сидя в пустой лачуге, прислушиваясь к шуму дождя, в котором мне чудился грохот рушащегося моста. Два года труда — и все разлетится в щепки. А какое скверное впечатление это произведет! Мой первый мост — и чтобы от него ничего не осталось! Я уже мысленно распрощался с контрактом на постройку моста через реку Мари́-Мари́.

Потом зашел я на кухню и увидел там Молли Макарти. Я встречался с ней прежде на танцульках у бабушки Ален, такая славная розовощекая толстушка с голубыми глазами. Как будто я танцевал с ней раньше, но точно вспомнить не мог, боялся, не перепутал ли ее с малюткой Харвей, поэтому про танцы ничего не сказал. Посидел, поболтал немного с ней... Рассказал, что я места себе не нахожу из-за моста, и уже поднялся было, чтобы попытаться утащить лошадей или отправиться пешком в Сьену, как вдруг вошел Джо Гейнс и чуть не выгнал меня из кухни. Он так почернел, что я вспомнил разговоры ребят насчет того, будто он неравнодушен к девушке, которая у него работает, и не любит, когда с ней заговаривают.

Я решил сделать последний ход для спасения моста. Выждав немного, я отправился в бар. Джо Гейнс был там. Он свирепо посмотрел на меня, но я заставил его выпить, и когда он чуть-чуть смягчился, я сказал:

— Славная девушка у вас на кухне. Побеседовал я с ней, нам неплохо вдвоем. Она мне очень подходит. Теперь я не так уж спешу уехать. Если мост обвалится — ничего не сделаешь! А я не возражаю поболтаться здесь неделю — другую.

Джо Гейнс чуть не задохся от злости и побежал в кухню. Я услышал, как там поднялся скандал, и уже собрался было пойти туда и вмешаться, но все стихло. А через полчаса у меня была пара лошадей и повозка!

Браент засмеялся. Когда он давал себе волю, смех его звучал заразительно, по-юношески; он повернул смеющиеся глаза к Чарли Лонэгену, ожидая, что тот присоединится к нему. Ребята, работавшие на постройке моста, хохотали до упаду в пивной бабушки Ален, рассказывая каждому приезжавшему, как босс перехитрил Джо Гейнса, владельца пивной «Унга Ривер Отель». Этот Гейнс никогда в жизни не сделал никому ничего хорошего. Это было известно всем, так же, как и то, что он имел «зуб» на инженера. Но Чарли даже не улыбнулся. Мысли его, видно, были заняты чем-то другим.

Браент продолжал свой рассказ, описывая, как он выжимал скорость из лошадей, полученных от Гейнса. «И что это были за лошади — пара калек!» — заметил он. Но все же они успели преодолеть расстояние до Сьены раньше, чем вода начала прибывать. Браент и ребята из поселка работали, как сумасшедшие, чтобы успеть сплавить вниз по течению лес, запрудивший русло реки повыше моста, до того, как начнется наводнение; до их ушей уже доносился отдаленный шум разбушевавшейся стихии. Чарли отлично помнил все это, помнил, каким был в тот день Браент, как он, ругаясь и орудуя языком, как хлыстом, подгонял себя и людей. Парни работали с такой невероятной быстротой и напряжением, что это казалось сверхъестественным. И мост был спасен. Течение реки стало быстрым, и, подхватив бревна, оно унесло их вниз за несколько мгновений до того, как на горизонте появилась стена воды.

— Ладно, пора начинать, — сказал Чарли.

Это был большой день в округе. Все, кто жил за много миль в горах, съехались на открытие моста. Люди собрались за белой лентой, протянутой через мост во всю ширину его, оставив забрызганные грязью коляски, повозки на рессорах и телеги, грузных лохматых лошадей и сверкающих глазами пони на правом берегу реки.

Бабушка Ален в своем лучшем черном платье и новой шляпке стояла перед лентой посередине дороги. Она была самой старшей среди старожилов и пионеров района, ей предстояло разрезать ленту ножницами, отделанными серебром, которые дал ей Браент.

Браент прочел телеграмму от советников муниципалитета и графства — они должны были присутствовать на церемонии, но их машина застряла в грязи по ту сторону Унги.

— Ну, ребята, — сказал он затем, — наша работа закончена. Мост построен. Он делает вам честь...— Браент поймал блеск глаз, устремленных на него, и, улыбаясь, добавил: — И мне тоже. Надеюсь, мост принесет счастье и процветание всему району и населению Сьены. Бабушка Ален любезно согласилась вместо мистера Паттерсона, который, к сожалению, задержался не по своей воле, как вы уже знаете, объявить мост открытым.

— Объявляю мост открытым! — крикнула старая миссис Ален радостным, дрожащим голосом, проглотив от волнения первый слог своей речи.

Она рассекла ленту отделанными серебром ножницами и перешагнула через упавшие концы. Толпа последовала за ней. Раздались аплодисменты в честь Браента, в честь строителей моста, бабушки Ален. Люди весело запели хором: «Ведь он хороший парень!» Потом коляски, телеги, лошади, пони и вся масса улыбающихся, кричащих мужчин, женщин и детей двинулись через мост. Они отправились вниз по дороге в Уонгу, на свадьбу Молли Макарти и Джо Гейнса, где их ждали вечеринка и танцы.

Через некоторое время Браент и Чарли Лонэген выехали тоже. Им предстояло переночевать в Уонге по дороге в Орбост.

Когда они добрались до гостиницы, свадебная церемония уже закончилась, но танцы были в полном разгаре. Большая столовая была очищена от мебели. Девушки и юноши, старики и старухи, мужчины и женщины средних лет так отплясывали под музыку аккордеона, на котором играл одноглазый парень из лагеря дровосеков, что ветхие стены домишка дрожали.

Джо Гейнс не сшил себе нового костюма к свадьбе. Невысокий полный пожилой человек с тяжелыми челюстями и мертвыми рыбьими глазами, он выглядел так же, как всегда, если не считать того, что его редкие черные с проседью волосы были зачесаны назад влажной щеткой, а лицо и руки были сравнительно чистыми, чего никогда не замечалось. Он сидел мрачный рядом со священником, наблюдая за Молли, танцевавшей с Фрэдди Лонэгеном — она хотела наплясаться вволю последний раз, как говорили люди, — когда Чарли и инженер вошли в комнату.

Гейнс не слишком обрадовался, увидя их, но через некоторое время он улыбнулся, спотыкаясь, подошел к ним и предложил выпить. Чарли не хотел пить с Гейнсом.

— Нет, спасибо, Джо, — сказал он. — Я уже и так накачался.

Но Браент, помня о том, что Гейнс дал лошадей и что они спасли мост, пошел с ним к стойке и за кружкой пива пожелал жениху и невесте здоровья, богатства, долгой жизни и счастья. Потом они с Гейнсом вернулись в столовую, и Браент потанцевал с Молли.

Она еще никогда не казалась такой хорошенькой в своем белом муслиновом платье, хотя ее толстые розовые щечки порой бледнели, а голубые глаза глядели почти испуганно. И несмотря на смех и веселую музыку аккордеона, в воздухе висела грусть. Люди танцевали, словно стесняясь, что они веселятся по такому случаю; но к востоку от Уонги трудно отказаться от любого приглашения. Сама Молли смеялась и, казалось, была в хорошем настроении. И именно потому, что никто особенно не радовался свадьбе, она старалась изо всех сил показать, что все очень хорошо.

— Это больше похоже на поминки, чем на свадьбу, — сказал кто-то.

В то время, как Браент танцевал с Молли, ее мать прокралась к Чарли Лонэгену.

— И подумать только,— прошептала старуха почти с рыданием, — она никогда бы не сделала этого, если бы не Браент и не его мост. О, она хорошая девушка, Молли! Она не хотела, чтобы ее отца-старика и мать выгнали из дому, как это грозился сделать Гейнс... Он давно за ней гонялся... И дом, в котором мы живем, его. Но этот, — она кивнула в сторону инженера, проходившего под руку с Молли, — этот был последней каплей... Он и его мост...

Чарли с нетерпением, мрачно взглянул на нее. Он слышал, что Молли Макарти говорила что-то в этом роде.

— Я была в кухне в тот день, — продолжала мать. — Браент как раз рассказывал нам, как он расстроен тем, что мост, наверно, обрушится, когда вошел Гейнс. Он страшно ревновал Молли к мистеру Браенту еще с тех пор, как ребята начали прохаживаться на их счет после танцев у бабушки Ален. Гейнс выставил инженера из кухни, а потом вернулся и напустился на Молли за то, что она любезничала с Браентом. Джо сказал, что даст инженеру лошадей на следующее утро, чтобы избавиться от него... Все равно, когда доберется до Сьены, уже поздно будет спасать его проклятый мост. «Если вы сейчас дадите ему лошадей, он успеет вовремя?» — спросила Молли. «Может поспеть»,— ответил Джо. Тогда Молли встает и говорит: «Если вы дадите ему лошадей сейчас же, я выйду за вас замуж в день открытия моста...» Теперь вот мост открыт, и она вышла замуж за Гейнса.

Чарли Лонэген и инженер покинули Уонгу на следующее утро, чуть забрезжил рассвет. Когда прошло уже полдня и они отъехали за много миль по лесной дороге, Браент ворчливо заговорил:

— Нечего сказать, хорошие вы тут люди! Позволить, чтобы такая хорошенькая девушка, такая славная, вышла замуж за это грязное животное, старого Гейнса!

Чарли посмотрел на него, прищурившись, в глазах его мелькнула легкая улыбка. Потом он отвел взгляд на дорогу.

— Мы-то? — сухо заметил он. — Мы были слишком заняты мостом. О Молли думать было некогда.

— Мостом? — мысли Браента вернулись к его детищу. Он вспомнил мост таким, каким видел его последний раз, — белое сооружение на фоне зеленых деревьев, возвышающееся над сверкающей рекой, окаймленной по берегам плакучей акацией в желтом цвету, отражающейся в темной воде.

— Хорош мостик! — пробормотал он. — Ты даже не представляешь, Чарли, как я рад, что он не стоил никому жизни!

Перевела с английского С. КРУГЕРСКАЯ.

МАРЛИН

Лагерь на склоне был почти невидим за кустами. Он расползался по сырому подлеску между скалами, а внизу, в туманной долине, лежал городок. Хижины из коры и веток были одного цвета со скалами и стволами деревьев. Жилища напоминали могильные холмы; грубые остовы с зияющими отверстиями. Их выдавал только дым, курившийся над ними. Он медленно рассеивался между деревьями.

Две женщины ехали верхом по тропинке через заросли. Миновали одну хижину, другую, третью, и открылась поляна, на которой было разбросано с десяток лачуг. Навстречу с яростным лаем летели собаки. Ребятишки, худые, болезненные, взъерошенные, с блестящими глазами, вылезли из своих жилищ. Мужчина, лежавший у порога, сел и взглянул на всадниц.

— Хэлло, Бенджи! — сказала пожилая женщина, сидевшая на серой лошади. — Спишь в такое утро? Где Молли?

Мужчина что-то проворчал, угрюмо глядя вдаль, на туманную пелену. Из хижин выходили заспанные люди в истрепанных брюках цвета хаки, юбках и рубашках из вылинявшей ткани, измазанных сажей и жиром, в поношенных шерстяных жакетах и пальто с чужого плеча — в одежде, уже ненужной горожанам. Видно было, они спали, не раздеваясь.

— Хэлло, миссис Бойд! — раздались женские голоса.

— Это мисс Эллисон, — представила собравшимся старшая из всадниц свою спутницу, сидевшую на гнедой лошади. — Она из Англии; собирается написать книгу о коренных жителях. Ей хочется осмотреть ваш лагерь.

— Мы здесь смешанные, а не туземцы, — мрачно заметил пожилой мужчина.

— И не сидим дома в такой ранний час, как видите, — насмешливо вставил кто-то из молодых. — Тут не жизнь, а сплошной ад...

Одна из женщин застенчиво спросила:

— Как поживаете, миссис Бойд?

— Хорошо, Минни... А вы похожи на утопающих крыс, большинство из вас. Почему бы вам не сменить до зимы место лагеря?

Голос миссис Бойд звучал властно, но дружелюбно

— Куда же нам прикажете перейти? — игриво спросила молодая полная женщина. Она стояла босая, когда-то бывшее белым платье обтягивало ее грудь и бедра. Ребенок прислонился к ее ноге.

Легкий смешок пробился сквозь толпу.

— Во всей округе это — единственное место, где нам разрешено жить, — раздраженно сказал кто-то из мужчин. — Вы это прекрасно знаете, миссис Бойд.

— Дожди льют уже два месяца, — послышался вялый, безразличный женский голос.

— Как же вам удается найти сухое место в хижинах? Где вы сможете высушить белье?

— А нам это и не удается. — Людей рассмешил ответ, как славная шутка. — Вся одежда вымокла. Ни у кого нет сухого одеяла.

— Нам бы родиться утками... Дождь скатывался бы по спинам...

— Позор, что вы должны так жить! — заявила миссис Бойд. — Но я приехала из-за Молли. Где она?

Толпа подалась в смущении. Люди старались не смотреть ей прямо в глаза. Да, они выглядели дикарями в своей жалкой одежде, со своими жалкими украшениями, в ярких шарфах и цветастых джемперах, надетых поверх заношенного платья. Все они кареглазые, черноволосые, а цвет кожи различных оттенков: от болезненно-желтого до цвета старой бронзы. Женщины — светлее, мужчины — темнее. У многих широкие носы и полные губы выдавали туземное происхождение; некоторых резко выделяли мелкие черты, и ничто, кроме глаз, не свидетельствовало о принадлежности этих людей к коренному населению.

— Где Молли? — требовала ответа миссис Бойд. — Я разрешила мистеру Филиппу подвозить ее по субботам в кино. Когда, конечно, он сам ездит в город. Но она не вернулась однажды... Он прождал ее около часа...

— Молли так любит кино... — попытался вставить слово Руби.

— Все это очень хорошо, но разве назовешь ее исчезновение приличным? Она знает, сколько дел у нас всех теперь: ведь пригнали коров. Филипп и Эдвард не справляются. Я сама сегодня должна была отвозить почту. Молли так нужна, надо доить коров и кормить телят.

— Молли — хорошая девушка, — заявил Алберт.

— Да, но где она? Что случилось?

Люди были явно возбуждены. Очевидно, этот вопрос встревожил их, но они уклонялись от ответа. Слышались восклицания, советы. Но в словах не ощущались удивление, испуг, хотя все казались расстроенными. Вопросы миссис Бойд скорее даже забавляли всех.

Миссис Бойд поняла, что они укрывают Молли. Девушка, должно быть, что-то натворила, подчиняясь зову таинственного влечения.

— Вы слышали, Бил Библмун умер в прошлую субботу в больнице от воспаления легких? — вдруг спросил кто-то.

Прочие охотно поддержали говорившего.

— Какие были похороны, миссис Бойд!..

— Капитан из Армии спасения сказал, что Бил попадет прямо на небо, потому что он был хорошим христианином...

— Он и вправду был им. Всегда выступал на уличных сходках и пел гимны, даже если напивался...

— Какие там читали молитвы!..

— О том, как его будут купать в овечьей крови, и что его грехи белее снега...

— У всех ребят уже была корь, — неожиданно сообщил Руби.

— А что приключилось с Вэлли Вильямсом? — спросила миссис Бойд, пытаясь присоединиться к их веселью. — Ведь он еще в прошлом месяце должен был сделать столбы для моего забора...

Шум сразу стих. Люди опускали глаза, обменивались осторожными взглядами. Послышались кашель, хриплый шепот.

— Он ушел т у д а, — сказал Джордж.

— Ты хочешь сказать, он в тюрьме. За что его посадили?

— Тут не его вина, миссис Бойд, — разъяснила Минни Льюис. — Джо Виггинс сказал, что у него сбежало из загона несколько бычков. И он обещал Вэлли два боба[1] за каждого бычка, если тот их разыщет и пригонит. Ну, Вэлли и привел парочку. Он думал, конечно, что это бычки мистера Виггинса...

— Конечно, по два шиллинга за штуку, — вставила миссис Бойд.

— А когда полиция нашла этих рыжих бычков на бойне у Джо Виггинса, то мистер Виггинс свалил всю вину на Вэлли, и Вэлли получил два года.

— Всем известно, что за птица Джо Виггинс, — признала миссис Бойд. — Но Вэлли следовало бы держаться подальше от чужого добра.

— О, Вэлли совсем не такой, миссис Бойд. Он настоящий, хороший пастух. Но когда не может найти работы, то он не знает, куда себя девать. Он ведь должен что-то делать со стадом...

— Я знаю... — Миссис Бойд добродушно рассмеялась. — Я подозреваю, он что-то сделал и с нашими телятами в прошлом году. Коровы часто возвращались без телят.

— Если корова телится в зарослях, миссис Бойд, то в пропаже телят виноваты и динго...

— Как и Вэлли! Ладно. Пусть мои деньги будут на его совести. Ручаюсь, Джо Виггинс «получил» больше моих телят, чем динго.

Серая лошадь в поисках молодой травы отнесла свою хозяйку немного в сторону. Миссис Бойд увидела человека, спавшего у тлеющего очага в дверях своей лачуги. От сырого одеяла, которым он был укрыт, поднимался пар.

— Кто это? — спросила миссис Бойд.

— Это Чарли, — ответила непрестанно кашлявшая женщина. — Он болен.

— Тогда уберите подальше эту бутылку, — посоветовала миссис Бойд. — Если появится полиция, кто-нибудь нарвется на неприятность за то, что продал ее Чарли. Интересно, где он достал деньги на выпивку?

— Лавочник иногда покупает его рисунки для вывесок.

— Он в своем роде художник, этот Чарли. — Миссис Бойд обращалась к своей спутнице. — Самоучка. Вы не покажете мисс Эллисон что-нибудь из его рисунков, Лиззи?

Жена Чарли скрылась в хижине, как в норе, и вынесла черный альбом. Мисс Эллисон спешилась, чтобы взглянуть на рисунки.

Это были грубые наброски людей и животных, сценки футбольного матча, скачек. Друзья и родственники Чарли созерцали страницы альбома с благоговением, каждый раз предвкушая что-либо еще более интересное...

— Ладно! — Миссис Бойд дернула повод и, улыбаясь, произнесла неумолимым тоном: — Вы еще не надумали рассказать мне, что с Молли?

Лица людей снова изменились. Наступила мрачная, безответная тишина.

Затем Минни Льюис воскликнула восхищенно:

— А вот и миссис Джексон! Ее измучил ревматизм, но сейчас она встала и даже надела шляпу ради гостей!

Изможденная маленькая женщина в аккуратной черной шляпе, темном, закопченном платье и изношенном сером джемпере подошла к ним. Она выглядела очень благопристойно, но угадывалось, как она одинока.

— Доброе утро, Миртл, — сказала миссис Бойд. — Очень жаль, что у тебя ревматизм.

— А чего же еще следовало ожидать, миссис?

Эта женщина смешанной расы держала себя с достоинством. Ее поблекшие глаза, обведенные темными кругами, всматривались в любезно улыбавшуюся, пышущую здоровьем женщину, сидевшую на рослой лошади.

— Я не привыкла жить на улице...

— Конечно, нет, — сказала миссис Бойд.

— Вы ведь знаете, я воспитывалась в миссии. Я служила в одном из лучших домов. А теперь?.. Вы не стали бы держать свинью там, где я должна жить.

— Это неправильно, миссис Бойд, — проговорил Джордж.

— Да, это нехорошо, — согласилась миссис Бойд. — Но что я могу сделать? Миртл, ты пошла бы в дом для престарелых, если бы я тебя устроила?

— Я была там. Полиция отправила меня туда прямо из больницы... Но я сбежала...

— Это правда, миссис Бойд! — раздались голоса.

— Она прошла около ста тридцати миль, пока добралась сюда.

— Сидеть, как в курятнике, там, в большом городе, вместе с грубыми старухами, которые обращаются с тобой, как с самой последней тварью!.. Я всегда была порядочной, миссис Энн...

— Да, да, она очень порядочная, миссис Бойд! — выкрикнул кто-то.

— Все, чего я хочу, — это умереть у себя дома, как любой порядочный человек. Здесь мой дом, миссис Энн, дом, который ваш отец дал Тому и мне. И мистер Генри не имел права выгонять нас!

— Она убивается прямо как какая-нибудь старуха-туземка, у которой отняли землю для охоты, — сказал Алберт с иронией. — Все люди хотят умереть дома, но для нас, «полукровок», дом — это настоящая крыша над головой и постель.

— Я посмотрю, что можно сделать, Миртл, — пообещала миссис Бойд.

— Забавно, ведь верно? — Молодой, стройный Алберт взглянул на нее, лениво откинувшись. — Вы — внучка одного из поселенцев, который перестрелял черных больше, чем все другие. Миссис Джексон — внучка одного из тех немногих старожилов, кто чудом выжил. Но у вас земля, и закон на вашей стороне. И вы травите ее собаками, если она забредет к вам за куском хлеба или старым тряпьем!

— В округе это — единственное место, где нам разрешено жить!..

— Что-то нужно с этим сделать, — объявила миссис Бойд.

— Что? — настаивал Алберт. — Всю землю здесь разобрали. Она частная собственность. Нам не позволяют работать в шахтах. Нам запрещают продавать рыбу, которую мы ловим, не разрешают стрелять и ставить ловушки. На дорогах мы тоже не должны работать. Все, что нам остается, — это получать какие-то крохи и гнить. Да еще ходят слухи, что нас зашлют в одну из этих проклятых резерваций, «где больным и умирающим отпрыскам туземной расы предоставляется возможность закончить спокойно свои дни». Извините за то, что пересказываю местную газетную дребедень...

— Вы не можете сказать, что я не пыталась помогать вам, — протестующе сказала миссис Бойд. — Я всегда, когда могла, давала вам работу у себя на ферме.

Молодой человек криво улыбнулся:

— И платили нам вдвое меньше, чем другим!

— Алберт! — крикнуло несколько женщин. — Не обращайте на него внимания, миссис Бойд.

— Ты говоришь, как какой-нибудь из этих сумасшедших агитаторов, Алберт, — сказала миссис Бойд с сердцем. — Если ты не будешь вести себя осторожнее, тебя могут выселить отсюда!

— Я запомню ваши слова, миссис Бойд!

Алберт злобно засмеялся.

— Он стал таким с тех пор, как не может найти работы, — вступился Руби. — Он ведь очень умный. Умеет читать и писать так же, как белые. Когда он ходил в школу, он учился лучше других.

— Она мне принесла много хорошего, — усмехнулся Алберт. — Да если б я был вот этой мульгой[2], у меня была бы жизнь лучше... Черные делятся друг с другом всем, что

---

[1] Шиллинга.

[2] Австралийская акация.

у них есть, а белые хватают каждый себе, сколько сумеет, и пусть даже их собственные родственники подыхают с голоду!..

— Туземцы лучше обращаются со смешанной расой? — Голос мисс Эллисон, ясный и холодный, ворвался в атмосферу гнева. И, будь другое время, Алберта могло бы восхитить сияние ее волос или лошадь, которую она сейчас держала под уздцы.

— Они не считают нас паразитами... — сказал он. — Когда я был ребенком, я бродил вместе с племенем моей матери. Это было на северо-западе. И никогда я не знал, что чем-то отличаюсь от остальных. Потом мой отец изволил заинтересоваться мной. Отправил учиться сюда в школу. Он умер, а я с тех пор все пытаюсь устроиться на работу.

— Вы не хотите вернуться к своему народу?

Гнев снова послышался в голосе Алберта:

— К моему народу! Кто он? Мой отец был таким же белым, как и вы. Я уже не могу жить в туземных селениях, хотя здесь, у нас, ничем не лучше. Я не принадлежу им больше. Я думаю по-другому. Все мы так! Мы любим чистую одежду, мыло и книги, но их нет у нас. Мы хотим бывать в кино и на футболе. Я хочу работать, иметь жилище и семью. Но вот все, что я здесь имею. Вот мой народ — помесь, «дворняжки», как и я.

— Не нужно говорить с такой горечью, Алберт, — упрекнула его миссис Джексон. — Это не принесет пользы.

— А что принесет пользу?

Он выбрался из толпы и с гордо поднятой головой исчез за лачугами.

— Он обижен тем, что не может найти работы и инспектор не позволил Пенни Карнарвон выйти за него замуж, — сказал Руби. — Пенни — служанка, и такая хорошая, что хозяева не хотят ее терять. Но она любит Алберта. Она сказала, что упросит разрешить ей...

— Она это сделает!..

— Стелле ведь удалось так сделать!..

— Да, она смогла...

— Стелла уронила полный поднос, чтобы ей дали расчет, — так сильно она хотела выйти замуж за Боба. Но хозяйка взяла и простила ей и вычла у нее из жалованья. Стелле пришлось добиваться своего через хозяина, уговаривать его, пока инспектор не решил, что лучше уж ей выйти замуж за Боба.

— Алберт говорит, что Пенни скоро придет сюда на несколько дней. Тогда они, наверно, смогут пожениться и уйти на север. Он почти уверен, что сможет там найти работу.

— Да, но где Молли? — опять перешла в атаку миссис Бойд.

Снова в толпе смолкли разговоры и смех. Снова смущенные колебания и поиски, что бы сказать.

— Молли?..

— Да, Молли! Нечего притворяться, что вы не знаете, где она. Если она скрывается, не хочет возвращаться, я не стану о ней беспокоиться! Но я должна сообщить в управление...

— Хэлло, миссис Бойд!

Девушка в розовом платье вышла из хижины. Красивая, спокойная, чуть бледная, она держала на руках небольшой сверток, перевязанный грязным платком.

— Молли! — Миссис Бойд задохнулась. — У тебя ребенок?

Девушка кивнула, улыбаясь.

— Но ты сама еще ребенок! — вскричала миссис Бойд. — Тебе нет шестнадцати!

— Мне исполнилось шестнадцать в прошлом месяце, — спокойно сказала Молли.

— Это возмутительно! — негодовала миссис Бойд. — Кто отец?

Девушка слегка улыбнулась.

— Я гуляла с двумя молодыми людьми из города...

Толпа содрогнулась от затаенного волнения, затем послышался легкий вздох облегчения и сдержанный смешок.

— Тебе должно быть стыдно! — заявила миссис Бойд с яростью. — Я лучше о тебе думала, Молли. Я считала, ты не такая, как другие. Ты жила у меня столько лет, и я надеялась, ты умеешь себя вести.

— Не сердитесь, — спокойно сказала девушка. — Я не могла иначе... и я люблю ребенка.

— Когда это случилось?

— Прошлой ночью.

Миссис Бойд уставилась на девушку. Молли выглядела похудевшей, но вполне здоровой.

— У нее все в порядке? — спросила она старуху, показавшуюся из той же хижины, что и Молли. — Может, лучше послать за доктором или отправить ее в больницу?

— Я никогда не чувствовала себя так хорошо, — сказала Молли. — Тетушка Мэй присмотрит за мной.

— Нечего беспокоиться, — прошамкала старуха из-за спины Молли. — Ей и не было плохо. Я бы послала ее в больницу, да все случилось так быстро.

— Дайте взглянуть на ребенка, — приказала миссис Бойд, повернула лошадь и подъехала к Молли.

— Она еще очень маленькая и красная, — сказала Молли извиняющимся голосом, приподымая грязный платок, укутывавший малютку.

Миссис Бойд наклонилась в седле. Такого уродливого существа она еще не видела в жизни, но что-то смутно знакомое было в этом крошечном сморщенном личике.

Мисс Эллисон подвела лошадь поближе, чтобы тоже посмотреть.

— Довольно миленькая, ведь верно? — пробормотала она бесстрастно. — Как ее зовут?

Молли опустила платок на лицо ребенка.

— Марлин, — сказала она со счастливым выражением.

Хлынул дождь. Он загнал жителей в их лачуги. Белые всадницы нашли убежище под деревьями.

Когда обе ехали домой, старшая из них неловко сидела в седле, странно постаревшая, мрачная.

— Чем быстрее они уберутся отсюда, тем лучше, — сказала она злобно. — Все они развратны, эти полукровки!

— Да, но что́ вы скажете о белых, которые в этом повинны? — заметила молодая женщина, сидевшая на гнедой лошади.

Она думала о том, свидетелем чего ей пришлось сейчас стать. Люди живут хуже, чем собаки, в своих прогнивших лачугах, на границе темных зарослей, а внизу под ними в солнечных лучах лежит цветущий город. И они стремятся быть наравне с белыми... А этот ребенок вне закона! Чудовищный обвинительный акт!..

И все же мисс Эллисон показалось, что эти люди, хотя и знали всю правду, кроющуюся за вызывающими словами Молли, жалели белую бабушку ребенка, жалели ее просто по свойственной им доброте. Принесет ли их жалость желанные плоды?

Лагерь на склоне был переведен со своего места еще до конца месяца.

Перевел Ю. ХАЗАНОВ.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Служба цунами

Кандидаты физико-математических наук Б. Л. Очаповский и В. Н. Бичевина настраивают установку для определения положения эпицентра сильного землетрясения.

Фото Г. Беневольского.

«Цунами» в переводе с японского на русский означает «грозная, большая волна». Рождаясь где-то в пучинах Тихого океана, она многометровой водяной стеной обрушивается на берег, и горе тому, что она на нем застигнет: деревушкам, поселкам, садам... Особенно часто буйствует цунами возле японских островов, вздымаясь иногда в высоту на 10—15 метров.

Предотвратить рождение стихийной цунами человек не в силах. Но вот предупредить жителей о ее приближении — эта задача может быть успешно решена.

...В подвале невысокого дома на бетонных постаментах стоят два прибора, прикрытые прозрачными пластмассовыми колпаками. Один из них — азимутограф сильного землетрясения. Кандидат физико-математических наук Валентина Николаевна Бичевина смотрит на темную, закопченную пластинку, на которой перышко прочертило след. Эта черточка указывает направление, в котором где-то произошло землетрясение. А ведь от таких подземных толчков иногда и разыгрываются цунами.

Расстояние, которое отделяет эпицентр землетрясения от места наблюдений, показывает другой прибор — сейсмограф. Вычерченная им сейсмограмма дает представление и о силе землетрясения.

Через несколько минут подсчет закончен. Эпицентр землетрясения получил свои координаты. Если он находится в океане и колебания почвы велики, то дежурный немедленно сообщает: «Внимание, возможна цунами!» К счастью, такие сообщения за последнее время делать не приходилось.

...Приборы, которые установлены тут,— пока лишь опытные образцы. Разработка более чувствительных и совершенных приборов продолжается. К домику станции прокладывается специальный кабель. В будущем это позволит автоматически передавать сигналы. Дежурному нужно будет лишь нажать кнопку, сигнал примет радиостанция и передаст его в эфир.

Организация круглосуточной службы цунами — одна из многих задач, которая решается отделом сейсмологии Сахалинского комплексного научно-исследовательского института Академии наук СССР. Здесь, в селе Ново-Александровске, в десяти километрах от Южно-Сахалинска, несколько лет назад советским ученым Ф. И. Монаховым было положено начало исследованию штормов и циклонов в открытом море методами сейсмологии. Как это производится?

— Обычно гидрометеослужба ограничивается сведениями о циклонах и штормах в океане, которые поступают с кораблей,— говорит заведующий отделом сейсмологии Б. Л. Очаповский.— Но есть и другая возможность получения этих сведений — с помощью микросейсм. Микросейсмы — это очень слабые колебания земной поверхности, которые распространяются по всей земле. Их чувствуют только сейсмографы.

Каковы же их причины? Микросейсмы обычно возникают на дне океана, под центром шторма, в котором образуются так называемые стоячие волны. Приборы на сейсмической станции записывают дошедшие до нас микросейсмы. Эти записи—сейсмограммы — позволяют установить их источники, а следовательно, и центр самого шторма, а также определить и положение циклона, возбудившего шторм.

И еще одна большая работа ведется сахалинскими сейсмологами. До сих пор ученые считали, что в большинстве мест острова возможны семибалльные землетрясения. Но так ли это в действительности? В течение ближайших полутора лет нужно дать новые, точные и подробные данные о районировании землетрясений. Для народного хозяйства это имеет огромное значение: чем меньше возможная сила землетрясения, тем дешевле обходится строительство домов, фабрик, заводов.

А определение глубин очагов и характера землетрясений, а изучение строения земной коры?.. Дальневосточные земли неспокойные, у сейсмологов много забот.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Вот насколько полупроводник меньше радиолампы.

Полупроводник в действии

Инженер лаборатории ленинградского завода «Светлана» М. А. Орехов открыл шкаф и достал оттуда маленькую пластмассовую коробочку. В ту же секунду из нее раздалась знакомая мелодия Чайковского. Коробочку носили по комнате, ставили на стол, на окно, держали на ладони, клали в карман пиджака, но музыка не затихала. Потом на миг наступила тишина, и послышался... голос диктора.

Как-то не верилось, что в маленькой коробочке, не связанной проводами с источниками электрического питания, смонтирован радиоприемник. Мы сняли крышку, заглянули внутрь, но там не оказалось и радиоламп. На их месте были крохотные полупроводниковые приборы ленинградского завода «Светлана».

И вот мы в новом здании, где недавно налажено массовое изготовление этих чудодейственных приборов. В комнатах, отделенных одна от другой стенами, наполовину стеклянными, столы накрыты прозрачными скафандрами. Мигают разноцветными огоньками испытательные приборы. На окнах белоснежные шторы. Работницы в белых халатах и косынках. В пластмассовых коробочках лежат крохотные детали. И тут же блестят пинцеты — основной инструмент, которым пользуются рабочие почти на всех технологических операциях.

В полупроводнике пятнадцать деталей из меди, никеля, олова. Самая крупная из них — это корпус длиною в десять миллиметров. Но в него вкладывается еще в несколько раз меньшая часть прибора — кристаллик германия. В соединении с индием он является сердцем полупроводника, источником всех его свойств.

В одной из комнат, на участке разделки и обработки германия, находятся маленькие станочки. Они включены, но людей не видно, не слышно и обычного шума. С помощью микрокорундового порошка станочки автоматически разделывают крупные слитки крепкого германия на множество мельчайших кристалликов. Чтобы представить их размер, можно назвать такую цифру: из одного килограмма германия нарезается до двадцати тысяч кристаллов. Снятые со станков кристаллы шлифуют, подвергают химической обработке, доводят до необходимых размеров.

У окна, над столом, где под скафандром стоит веерообразный прибор, склонилась молодая работница Тамара Сычугова. Она пришла на завод несколько месяцев назад после окончания средней школы и сразу взялась за новое дело. Но оно было новым не только для Сычуговой, а и для всего заводского коллектива. Массовым выпуском этих приборов прежде не занимались.

Уверенно и ловко берет Сычугова пинцетом драгоценные кристаллы германия, измеряет их толщину специальным, особо точным прибором.

Маленькие, едва видимые простым глазом кристаллики складывают в коробочки и отправляют в кладовую полуфабрикатов. Отсюда детали передают на участки, где совершаются тонкие и очень точные операции. Готовый полупроводниковый прибор — это крупинка диаметром в два—три миллиметра с припаянными к ней тоненькими проволочками. Но чтобы предохранить прибор от влаги и преждевременной порчи, его заключают в корпус. После проверки качества и испытаний ставят даты — месяц, год — и букву «С», что означает: сделано на ленинградском заводе «Светлана». Затем каждый прибор вкладывается в крохотный конвертик, на котором изображена схема полупроводника, приведены электрические данные и сказано, как следует им пользоваться.

Теперь можно наглядно видеть, насколько полупроводник меньше радиолампы. Он не только меньше и легче, но и долговечнее ламп. Обычно работа радиолампы гарантируется от пятисот до одной тысячи часов, а гарантийный срок полупроводников — несколько лет! Использование их в радиопромышленности в корне изменяет размеры радиоприборов.

— Небольшие габариты полупроводниковых приборов,— говорит М. А. Орехов,— позволяют создавать приемники размером с портсигар, спичечную коробку и даже такие, которые поместятся в футляре наручных часов.

Еще недавно известные лишь узкому кругу специалистов и изготавливаемые в лабораторных условиях, полупроводники сейчас выпускаются на заводских поточных линиях. Внедрение этих приборов в радиопромышленности, использование их в автоматике, электронике, энергетике, бытовых приборах открывает новую эру в развитии отечественной техники.

К. ЧЕРЕВКОВ

Инженер М. А. Орехов достал маленькую коробочку из пластмассы, и из нее раздалась знакомая мелодия...

Могучий препарат

Длинные, словно небрежно нарубленные багрянокрасные кристаллы с заостренными концами насыпаны в пробирку. Это витамин B_{12}, препарат широкого диапазона действия.

На протяжении десятилетий злокачественная анемия представлялась неизлечимой. И вот вам красноречивый пример. Карета «Скорой помощи» доставила с вокзала старого плотника Ч — ва, транзитного пассажира, в клинику 1-го Московского медицинского института. Больной был в очень тяжелом состоянии, страшно худой, с трудом отвечал на вопросы... Анализ показал, что в крови больного в несколько раз ниже нормы количество красных и белых кровяных телец, а также крайне мало гемоглобина. Диагноз гласил: запущенный случай злокачественного малокровия.

Лучшее, пожалуй, единственное лекарство — витамин B_{12}. И он не обманул ожиданий. Инъекции витамина — его вводили под кожу — сотворили «чудо». Больной почувствовал прилив бодрости, начал вставать с постели, ходить. Появился аппетит — и какой! Старик на дню быстро выздоравливал. Число красных шариков возросло раз в пять, белых — втрое, приблизился к норме и гемоглобин.

Установлено, что при злокачественной анемии слизистая желудочно-кишечного тракта теряет способность извлекать из пищи витамин B_{12}, без которого кровяные клетки в костном мозгу не созревают. Обходный маневр — инъекции B_{12} — позволяет миновать слизистую оболочку, отрегулировать деятельность костного мозга.

Препарат благотворно влияет на весь организм в целом, помогает победить и различные другие болезни. Благодаря его вмешательству отступают детское малокровие, анемии на почве заболеваний печени, желудочно-кишечного тракта, быстро восстанавливается число кровяных телец, когда оно по тем или иным причинам падает. Зачастую нет надобности прибегать к инъекциям: ведутся опыты по замене их таблетками.

Наблюдения отдельных специалистов показали, что новый препарат прекращает воспалительные процессы, например, тройничного лицевого нерва, помогает при ишиасе, радикулите, невралгиях, сухотке спинного мозга, астме, белой горячке. Достигается это крупными, как говорят врачи, массированными, дозами. Надо сказать, что B_{12} не вызывает никаких вредных явлений.

Перечень болезней, при которых рекомендуется лечебное вмешательство препарата, весьма обширен. Тут и недуги печени — цирроз и гепатит, кожные болезни — красная волчанка, фотодерматоз, опоясывающий лишай и другие. Эффективен этот витамин и при необходимости ускорить, наладить восстановление сил после перенесенной заразной болезни или после операции. Он улучшает аппетит, возрождает активность. Это замечено и у детей и у людей преклонного возраста.

B_{12}, созданный в лаборатории профессора В. Н. Букина (Институт биохимии Академии наук СССР) и освоенный нашей фармацевтической промышленностью, производится сейчас уже не граммами, а в достаточном количестве.

Нельзя не упомянуть и о том, что неочищенным витамином B_{12} заинтересовались работники животноводства. Оказалось, что он улучшает рост, развитие и воспроизводство свиней, птицы, пушного зверя. Он может найти широкие перспективы и в этих важных отраслях сельского хозяйства.

Г. БЛОК

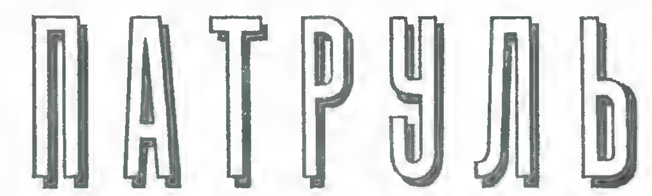
Колхоз имени Ворошилова, Ленинабадского района (Таджикская ССР), строит Дворец культуры. Все отделочные работы выполняют сами колхозники. **На снимке:** лучший мастер народного орнаментального творчества колхозник Стомахсуд Солиев со своим учеником Абдурауфом Алимджановым за росписью панно.

Фото Л. Раскина.

И. МЕСХИ, Е. РЯБЧИКОВ,

Фото Е. РЯБЧИКОВА.

ГОРНЫЙ

Высунувшись до пояса из будки электровоза, машинист тревожно всматривается во мглу. Длинный луч прожектора вырывает из ночи то черный зев туннеля, то сверкающий кривой саблей поворот рельсов, то кипящую под мостом реку. Но машиниста не интересуют сейчас ни туннели, ни мосты; он настороженно поглядывает на горы, нависшие над лестницей шпал.

Закавказская железная дорога одна из самых сложных и трудных по крутизне подъемов. Стальной путь вьется по склонам гор, в ущельях пенистых рек, тянется по морскому берегу, подмываемому штормовой волной, забирается на выси, ранее доступные лишь орлам. История дороги полна драматических событий.

Вот что произошло несколько лет назад на 119-м километре пути. Ночью по маслянистым шпалам, обрызганным росой, шагал путевой обходчик—дежурный обвальный сторож шестого околотка. Он ждал прибытия товарного поезда. Скоро во тьме загрохочут колеса, засверкают огни, и горное эхо, дробя и размножая гром и гул стали, разнесет их по ущельям. Но в положенное время вместо привычного гудка и стука колес послышался в высоте гор глухой нарастающий каменный гром. Из-за облаков рухнули камни.

Отчаянно размахивая красным сигналом, сторож бросился навстречу поезду. Но было уже поздно. Слепящие огни вырвались из-за поворота, и на полном ходу первый паровоз врезался в оползень. За ним ударился о камни и второй, вспомогательный локомотив. Сбитый «в гармошку» товарный состав разбросал поперек пути свои вагоны. В воздухе, насыщенном пылью, углем и паром, закрутились сброшенные с рельсов колеса...

Красивы эти места, красивы, но опасны! Внимание привлекают одинокое дерево, растущее как бы на голом камне, родник, что струится из расщелины скалы, отвесные стены с причудливо нагроможденными глыбами наверху. Но дерево корнями своими продвигается в глубь трещины и может расколоть целый скальный массив. А родник, особенно в зимнюю пору, замерзнув, создает давление внутри скалы и тоже разрушает ее. Особенно же коварны столбчатые базальтовые глыбы на вершинах крутых склонов. Под влиянием ветра, солнца, дождей они постоянно разрушаются и приходят в такое неустойчивое состояние, когда малейший толчок, легкое сотрясение, даже слабое колебание почвы, вызванное проходящим поездом, могут привести к катастрофе.

...И вот мы едем на памятный 119-й километр дороги.

Набирая скорость, автомотриса мчится к злополучному месту. Справа пенится раздробленная до мельчайших брызг злая речушка, слева громоздятся к небу мрачные горы. Вьются рельсы, мелькают выступы скал, нависшие карнизы. Для железнодорожного полотна не нашлось более спокойного места, — «спокойных» мест тут нет. Приходится довольствоваться тем, что дала природа. Но люди обуздали ее.

Горы одеты в бетон и камень. Изрезанный трещинами склон опоясан подпирающими обвальные места прочными стенками. Ярусы баррикадных стен, улавливающие рвы, галереи, контрфорсы, барьерные и одевающие стены, густо расставленные «обвальные маяки» — вся эта сложная система многообразных сооружений имеет одно назначение: защищать дорогу.

Родилась наука подпирать, скручивать горы; накопился опыт защиты путей; появились новые профессии — обвальные инженеры, мастера, железнодорожные верхолазы. Специальные «обвальные колонны» стоят на опасных участках пути и грудью защищают дорогу.

Сегодня предстоят испытания новой ловушки для далеко летящих камней. На испытания прибыли автор теории расчетов противообвальных сооружений доктор технических наук Николай Миныч Ройнишвили, автор проекта противообвальных сооружений Владимир Афанасьевич Черноиванов, инженеры, геологи, мастера.

— Все готово! — рапортует обвальный мастер Егор Беглярович Кочарян.

Ройнишвили поднимает бинокль. Окуляры приближают горные кручи. Видны каменные стены, маяки, черные трещины и помеченные белыми крестами глыбы. На головокружительной высоте на веревках висит человек в каске — это верхолаз Мкртыч Оганян. В руках его поблескивает лом.

Все удаляются в укрытие. Кочарян вскидывает сигнальный рожок. Звучат четыре резких сигнала «воздушной тревоги». С горы доносятся ответные звуки рожка. «Внимание! Внимание! Опасность!» — предупреждают они.

Верхолаз, повисший на веревках, колотит ломом по камню, отмеченному белым крестом.

— Белый крест на камне — знак, что камень опасный и его нужно убрать,— поясняет главный геолог базы Акоп Дереникович

Скалы нависают над дорогой.

Месропян. — Сейчас его сбросит Мкртыч. Пошел!

На горе что-то взорвалось — камень ударился о камни, поднялся столб пыли, и по крутому горному склону ринулся буйный поток. Базальтовые глыбы, куски туфа и спекшейся лавы, осколки гранитных скал — многоцветная лавина, окутанная черным дымом, катится с высоты. Словно брошенный из пращи, камень вырывается вперед, описывает параболу и с разлету ударяется в высокую стенку ловушки. Вспахав ее, камень подскакивает и, уже обессиленный, переваливается через стенку, к рельсам.

Старший верхолаз Мкртыч Оганян и его ученик Сержик Агаджанян.

Гул и рев затихают. Тучи пыли рассеиваются. Весело поет рожок: «Опасность миновала! Выходите! Смотрите, как отлично сработала ловушка!»

Рослые парни на веревках поднимают из бездны человека в каске, только что смело вырвавшего из гнезда опасную глыбу. Сильные руки хватаются за край обрыва, показывается шахтерская каска, видны могучие плечи, и вот на вершину взбирается дюжий, крепко сбитый старший верхолаз Мкртыч Аракелович Оганян. На Кироваканском участке все называют Оганяна дружески и просто — Мкртыч. И называют еще Мкртыча и его бригаду часовыми горных вершин.

Мкртыч черный, с большим лбом и густыми бровями, из-под которых смотрят карие глаза. Занимается верхолаз работой рискованной: каждый день забирается на горы, висит на веревках над пропастью и очищает склоны от опасных камней, намечает мелом и краской подозрительные глыбы, ставит маяки, — одним словом, зорко следит за своим обвальным участком.

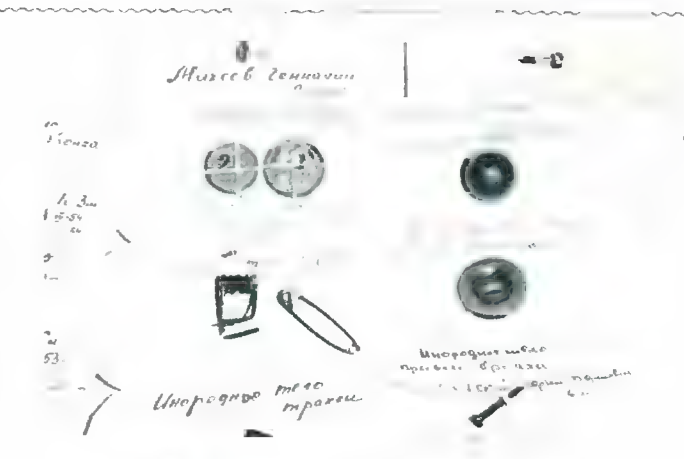
Мкртычу сорок пять лет; из них пятнадцать отданы патрулированию горных высот. За эти годы Мкртыч совершил более шести тысяч подъемов, и если считать, что каждый раз он минимум два часа висит на веревках, то окажется, что за время патрулирования скал и утесов Мкртыч провел почти полтора года в столь неудобном и рискованном висячем положении. Сколько раз он срывался, сколько раз расшибал себе руки и колени и сколько раз на него нападали потревоженные змеи и дикие птицы, защищавшие свои горные гнезда! Льют ли дожди, полыхают ли молнии, валит ли густой снег и в горах замерзают ручьи, Мкртыч неизменно выходит на вахту, проверяет карнизы, крепит опасные места, сбрасывает камни.

— Защищают дорогу не только бетон и каменные стены, — замечает Месропян, — ее оберегает прежде всего человек.

Так и сейчас: испытания закончены, а Мкртыч со своим учеником Сержиком Агаджаняном уже перебрался на соседнюю вершину. Их накрепко обвязали толстыми веревками, и смельчаки вскоре повисли над бездной.

Мкртыч находит ногой узкий выступ, упирается в него носком и, довольствуясь столь крохотной опорой, принимается за осмотр трещин. Вот он достает из кармана брезентовой куртки кусок мела и отмечает белым крестом какой-то камень: «опасный, взят на строгий учет».

...Зеленые семафоры открывают движение по дороге. Высекая колесами искры, проходит скорый поезд. Пассажиры смотрят на пенную реку, прорезавшую горы, на отвесные темные скалы. Не видят они ни сложной системы сооружений, оплетающих и скручивающих горы, ни белых крестов на камнях. И только машинист, выглядывая из будки, замечает и маяки, и баррикадные стены, и меловые пометки на камнях, и брезентовые куртки, и каски верхолазов. И с особым чувством машет он рукой храбрецам. На каждом опасном участке Закавказской железной дороги несут вахту люди большого мужества — часовые горных вершин.

Коллекция врача

Виктор Борисович Бродовский — старейший свердловский врач-отоларинголог — приехал в Институт физики металлов Уральского филиала Академии наук. Цель этого визита была не совсем обычной. Врач попросил срочно изготовить несколько мощных постоянных магнитов в виде длинной прочной проволоки.

— Это нужно, чтобы спасти жизнь ребенку, — пояснил он.

Бродовский приехал к физикам прямо с операции. В областную клиническую больницу привезли полуторагодовалого ребенка Сережу Знаменского. Оказалось, что глубоко в бронхах ребенка находится... гвоздь. Требовалось срочное оперативное вмешательство.

Виктор Борисович решил удалить гвоздь специальными щипцами через бронхоскопическую трубку. Но операция не удалась: шляпка гвоздя глубоко впилась в стенки бронхов, и ее невозможно было захватить щипцами. Это и привело врача в Институт физики металлов. В течение нескольких часов в лаборатории электромагнетизма были изготовлены мощные магниты из специального сплава. Врач вернулся в клинику и повторил операцию. Снова в бронхи была введена трубка бронхоскопа, но на этот раз уже с магнитной проволокой. С помощью магнита гвоздь был сдвинут с места, освободилась шляпка, которую прочно захватили щипцы...

Бродовский показал нам шуруп длиной почти в три сантиметра.

— Вот что, оказывается, было в бронхах Сережи... даже не гвоздь...

Сережа Знаменский уехал домой здоровым.

Тридцать три года работает Виктор Борисович в Свердловской областной клинической больнице. Из бронхов и пищеводов своих маленьких пациентов он извлек за это время много всевозможных инородных тел и составил из них довольно обширную коллекцию.

Вот обычный блестящий металлический шарик от детского биллиарда. Группа первоклассников во время перемены затеяла игру. Подбрасывали шарики вверх и ловили ртом — кто больше поймает! Победителем вышел Стасик Алексеев. Но эта «победа» досталась ему дорогой ценой. Вскоре его пришлось доставить в больницу. Два шарика у него обнаружили в пищеводе и один в бронхах.

А вот эта английская булавка еще вчера находилась в трахее Али Малышевой. Видимо, подражая взрослым, пятилетняя Аля держала булавку во рту, а затем, вдохнув, втянула ее в дыхательные пути. Пружинка от бельевой прищепки оказалась в пищеводе двухлетнего Коли Смирнова, а велосипедный ниппель извлечен из бронхов шестилетнего Вовы Мурзина...

В коллекции Бродовского сотни различных предметов: булавки и карандашные наконечники, монеты различного достоинства, пуговицы, запонки, мелкокалиберные ружейные патроны, арбузные семечки, медальоны, головки от карманных часов...

Иные из этих «находок» извлечены врачом в результате весьма сложной операции.

Вот и сегодня Виктор Борисович столкнулся с нелегкой задачей, когда в отделение привезли одиннадцатилетнего школьника Сашу Аникина. Сидя на уроке, он сунул в рот булавку, которая попала в бронхи настолько глубоко, что обычным оперативным путем удалить ее было невозможно. И снова Бродовскому пришлось прибегнуть к помощи лаборатории электромагнетизма, где изготовили специальный магнитный стержень. И острая булавка вышла наружу.

А. ГРИГОРЬЕВ,
В. ЩЕННИКОВ

После операции В. Б. Бродовский и Саша Аникин
Фото Н. Тюфякова.

ПРОДОЛЖАЕМ НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

В репортаже С. Фридлянда «Неоконченный разговор», опубликованном на страницах журнала «Огонек» № 5 за 1957 год, затронуты важные вопросы, касающиеся физического воспитания учащихся. Во многом нужно согласиться с преподавателями физкультуры тт. Корзыковым, Ивановым и Малининым. Но, на мой взгляд, думая о строительстве школьных спортивных площадок, об оборудовании залов и приобретении спортивного инвентаря, нельзя забывать об уже построенных и действующих спортивных базах. Я имею в виду многие тысячи хорошо оборудованных и благоустроенных стадионов, предназначенных для обслуживания самых широких слоев населения.

В связи с обсуждаемым вопросом о физическом воспитании учащихся начальных и средних школ необходимо отметить, что Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и ВЦСПС еще восемь лет назад приняли ряд решений и постановлений, в которых указано, что все спортивные сооружения для занятий с детьми и подростками предоставляются им в дневное время бесплатно.

Но эти решения не выполняются, хотя спортивные базы и стадионы используются не полностью и в утренние и дневные часы часто пустуют.

Чтобы не быть голословным, приведу некоторые факты. Директор 122-й московской школы тов. Полещук вынужден был заключить договор с дирекцией Измайловского парка культуры и отдыха на обслуживание учащихся его школы в дневное время лыжной станцией. По договору школа платит парку **1 600 рублей** (за январь — февраль). Об этом же сообщает в «Огоньке» и тов. Корзыков из 173-й школы.

На катки ребят пускают только за плату даже тогда, когда они идут туда коллективно, всем классом или пионерским отрядом.

Тов. Абызов, старейший работник стадиона «Сокольники», рассказывает: «Наш стадион стал коммерческой базой. Цены за аренду установили непомерно высокие и недоступные, поэтому к нам никто не идет, и стадион большую часть времени пустует, а физкультурникам негде заниматься».

Секретарь партийной организации стадиона «Сталинец» тов. Федорович в беседе со мной говорил: «Конечно, лучше, если наш стадион не будет пустовать, да и нам самим тогда приятнее работать на нем».

В то время, как многие школьники азартно гоняют во дворах консервные банки, заменяющие им хоккейные мячи и шайбы, на стадионах сотни рабочих неизвестно для чего и кого наводят чистоту и порядок, тихо дремлют у ворот строгие контролеры, а гардеробщицы занимаются вязанием.

Что же нужно сделать для того, чтобы дело физического воспитания в начальных и средних школах коренным образом улучшить? Прежде всего необходимо, чтобы Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР добился наконец, чтобы директора стадионов выполняли принятые решения: предоставлять бесплатно в дневное время все спортивные сооружения для занятий с детьми и подростками. В связи с этим все школы должны быть прикреплены к спортивным базам и стадионам, расположенным вблизи от них.

Возникает вопрос: имеет ли смысл строить школьные спортивные площадки? Мне кажется, что вопрос этот закономерен. Нужно ли распылять материальные и денежные ресурсы на строительство «карликовых» спортивных баз в то время, когда имеющиеся у нас крупные базы и стадионы не используются полностью? По крайней мере, я принадлежу к тем, кто считает, что строить следует комплексные площадки для нескольких школ, отвечающие всем современным требованиям. Если бы районные Советы депутатов трудящихся кооперировали материальные и денежные средства расположенных в районе заводов, фабрик и учреждений, то можно было бы строить два—три спортивных сооружения с пропускной способностью 9—10 тысяч человек. Создать такие сооружения нетрудно, и не потребуется больших затрат материалов и денежных средств.

Другой вопрос, поднятый в «Огоньке», не менее важен. Он касается проблем методики преподавания физкультуры в школах. Мне кажется, что было бы правильно, если бы физическое воспитание в начальных, семилетних и средних школах осуществлялось в следующем порядке: для учащихся 1 — 4-х классов проводились бы уроки физических упражнений по учебному плану и расписанию из расчета минимум четыре урока в неделю, в то время как основной формой физического воспитания учащихся 5—10-х классов должны стать регулярные занятия в спортивных секциях и командах школ в часы внеклассной работы. Конечно, такие занятия следует основывать на общефизическом развитии, то есть на комплексе ГТО.

У ребят 12—14 лет уже складываются влечения к тому или иному виду спорта, и создание необходимых условий в школах подняло бы у них еще больший интерес к занятиям физической культурой.

Преподаватели физкультуры не могут не видеть, с каким нежеланием учащиеся старших классов приходят сейчас на единственный в неделю урок физкультуры. И, наоборот, с какой огромной радостью принимают они участие в различных соревнованиях по любимым ими видам спорта. Не считаться с этим нельзя, если мы хотим, чтобы наши дети занимались спортом, не были хилыми, предрасположенными ко всякого рода заболеваниям.

Все выдвигаемые вопросы, на мой взгляд, заслуживают не только внимания руководителей комитетов физкультуры, ВЦСПС и министерств просвещения, но и нас, родителей, кровно заинтересованных во всестороннем физическом воспитании своих детей.

Пенсионер Н. НИКИТИН

Вот два снимка, подтверждающих правоту Н. Никитина. Наш фотокорреспондент побывал на стадионе «Пищевик». 4 февраля в 13 часов 30 минут большой гимнастический зал был пуст (нижний снимок). Как мы узнали, зал в дневные часы пустует по 3—4 часа ежедневно, и это в то время, как ребята из 214-й школы Октябрьского района, расположенной рядом, вынуждены заниматься в маленьком, душном зале, построенном из двух классов (верхний снимок), и в коридорах. Следует отметить, что стадион «Пищевик» и клуб имени Горького шефствуют над 214-й школой, однако, несмотря на неоднократные просьбы директора школы, ребята в гимнастический зал стадиона «Пищевик» не допускаются.

Фото С. Фридлянда.

От кого это зависит?

Дорогая редакция! Я прочитала в «Огоньке» статью о физкультуре в школе, и мне захотелось поделиться с вами своими мыслями. Я не педагог и не ученица. Я мать. Мои дети учились в 502-й и 504-й московских школах, и я вижу, что с физкультурой дело обстоит плохо.

Мой сын учится в 4-м классе, у них в прошлом году почти и не было физкультуры; в этом году, кажется, дело наладилось, но особого влечения к школьным занятиям физкультурой он не имеет, хотя спорт любит. Мне это интересно, почему? От кого это зависит?

Мой сын очень увлечен футболом, он играет со своими соучениками, которые проживают по соседству. Они футбол не оставляют даже и зимой. Кроме того, мой сын два года мечтает о плавании. Ему хочется ходить на тренировки, участвовать в соревнованиях, но как эту мечту осуществить, неизвестно.

В прошлом году сын написал в «Пионерскую правду», и ему оттуда ответили: у вас на будущий год будет физкультурник, ты с ним об этом поговори или съезди в школу при бассейне.

Осенью сын туда поехал с отцом, и там ему сказали, что желающих слишком много. Я не знаю, куда еще обратиться, чтобы записали моего сына в плавательный бассейн. Ему сейчас десять лет; если пройдет еще несколько лет, то будет уже поздно этим заниматься.

И вот мой сын интересуется и футболом и плаванием, но все его увлечения спортом не связаны со школой. Это очень плохо. В заключение я хочу сказать, что постановкой физкультуры в школе мало занимается само Министерство просвещения. Многие на физкультуру смотрят сквозь пальцы. Я считаю это совершенно неправильным.

Домашняя хозяйка
Е. БОЛОТНИКОВА

ПРИВЕТ МОЛОДОЖЕНАМ

ДЕТИ-СЧАСТЬЕ СЕМЬИ.
ДЕТИ-БУДУЩЕЕ НАРОДА.

КЗВ КЗВ

Вл. РУДИМ

Фото О. КНОРРИНГА.

Фотография вверху показывает, как выглядела в одно из воскресений сцена шахтерского клуба. На голубом фоне — белые бумажные буквы. Но что такое КЗВ? Три такие же буквы выделялись и на афишах, привлекая к себе прохожих. КЗВ — это Клуб занимательных встреч.

Возникший совсем недавно в городе Сталино при шахтоуправлении № 5, он стал популярен среди донецких горняков. Мы видели, как у афиши собирается народ. И читают ее с улыбкой, шутками, восклицаниями. Видимо, веселый характер у этого КЗВ, который, приглашая на встречу молодоженов, предупреждает: «Разведенным вход воспрещен!». А рядом шуточно-строгое: «Билеты на встречу можно получить только по предъявлении загсовского свидетельства в комитетах комсомола».

Здесь же излагается обширная программа, и все это подкрепляется стихами:

Любовью дорожить умейте,
С годами — дорожить вдвойне.
Любовь — не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Все будет: слякоть и пороша,
Ведь вместе надо жизнь
прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

Не удивительно, что после такого приглашения на огоньки клуба, вспыхнувшие в морозный вечер, направились очень многие — за парой пара, за парой пара... Счастливая молодость, едва переступившая порог самостоятельной жизни, заполнила все помещения. Гости Клуба занимательных встреч попадали сразу «с корабля на бал»: в фойе гремели медные трубы, и каждый спешил оставить пальто на вешалке и закружиться в вихре танца.

Шутки, смех, веселая суета, улыбки двадцатилетних! Вот кружатся Юрий Савин — студент технического училища, будущий шахтный электрослесарь — и его жена Вера Шаталюк — портниха швейпрома. Они поженились всего несколько недель назад, но если судить не по брачному документу, а по их взорам,— то лишь вчера. А знакомы уже года три. Впервые встретились за партой вечерней школы, где заканчивали среднее образование.

В паузе между танцами знакомимся сразу с двумя парами, которые соединили свои судьбы в один и тот же день: 27 мая минувшего года. Это Виктор и Люда Пилипенко, Александр и Зинаида Харченко. Они уже успели завести основательные хозяйства, приобрели мебель, посуду, собираются купить телевизоры. Средств вполне достаточно.

— Я работаю машинистом электровоза,— говорит Виктор Пилипенко.— В связи с новой системой оплаты заработок мой возрос до трех тысяч рублей в месяц.

В двадцать два года это совсем неплохо!

— По сравнению с другими мы уже «старики»,— шутят безусые мужья.

Мы невольно проследили за Виктором и Людой, когда они кружились в танце, когда они потом шли к стульям, держась за руки, как школьники, когда они, не замечая никого вокруг, угощали друг друга конфетами. По секрету Люда нам сообщила: живут они в общем очень, очень дружно, но и споры тоже случаются. О чем? Вот о чем: кто кого крепче любит.

Длинная трель звонка приглашает всех в зал.

Кто-то спрашивает: «Что сейчас будет? Доклад?»

Никаких докладов!

То, что состоялось вместо обычного во многих случаях доклада, можно было бы назвать маленькими поучительными и содержательными новеллами, которые окажутся полезными в жизни молодоженов. Неторопливо выйдя на сцену и спустив серый платок с седой головы, мать-героиня Александра Ивановна Малыгина просто и от-

Помощник машиниста угольного комбайна Николай Погребняков получает пригласительный билет на встречу молодоженов у секретаря комсомольской организации Николая Чуксина.

Виктор и Люда Пилипенко.

кровенно поведала о своей семье, о воспитании детей, припомнила, где и когда ей было особенно трудно. Много полезного сообщили и детский врач Вера Андреевна Коба, и заведующая детским садом Лидия Михайловна Лучина, и прокурор Анатолий Никифорович Куропятник.

О чем они рассказывали?

О любви и ревности, об уважении друг к другу, о том, как растить сыновей и дочерей, как вести домашнее хозяйство, и о том, что хороший муж никогда не перекладывает эту работу целиком на плечи жены.

Веселое оживление вызвало сообщение А. Н. Куропятника о недавнем бракоразводном процессе, виновником которого оказался черствый муж. Когда ему жена сказала с упреком: «Ты бы хоть поцеловал меня»,— тот ответил: «Я тебя обнимал и целовал до брака, и этого тебе должно хватить на всю жизнь».

Осмеянной оказалась и жена другого, которая довела мужа до того, что тот неделями не брился, чтоб избежать сцен ревности.

Затем вниманием собравшихся завладел представитель ателье. Объявив, что «каждый человек хочет быть симпатичным», он приступил к демонстрации дамских и мужских костюмов, давал советы домашним портнихам, рассказывал, что в модах хорошо и что плохо.

Председательствующий оповестил: в двух комнатах на втором этаже проведут консультацию кулинар и парикмахер. И те, кто пришел туда, с интересом слушали советы опытного кулинара А. Л. Левина, учились сервировать стол для будничных дней, к праздникам... Не было отбоя от «клиентов» и у парикмахера Павла Егоровича Манаенко. Юные дамы охотно предоставляли в его распоряжение свои прически, и парикмахер показывал, какое чудо можно совершить с золотыми и черными кудрями, как лучше ухаживать за волосами.

Женщины очень довольны советами Павла Егоровича. И не удивительно: ведь он стал парикмахером еще в 1923 году в харьковском ателье «Саламандра» и с тех пор привел в порядок десятки тысяч мужских и дамских голов!

А чем в это время занимаются другие молодожены? Одних привлекли звуки гармони в фойе, где

продолжались танцы, другие устремились в комнату игр, третьи обступили книжный киоск, где наряду с художественной литературой подобрана и литература специальная: о семье и браке, о воспитании детей, о том, как стирать, штопать, вязать. Несколько гостей заинтересовались высказываниями знаменитых людей о любви, семье, браке. Внимательно читают они на плакате слова, вышедшие из-под пера Максима Горького:

«Восславим женщину-Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери,— вот что насыщает нас любовью к жизни!.. Без солнца не цветут цветы, без любви нет счастья, без женщины нет любви, без Матери — нет ни поэта, ни героя!»

Оживленные группы собрались вокруг старших товарищей, только что выступавших со сцены: многое хочется узнать молодоженам; и в непринужденной беседе они спрашивают о десятках вещей, необходимых в жизни.

А вот двое после некоторых колебаний подошли к Малыгиной и просят рассудить их первую ссору. Молодые не захотели сообщить свои фамилии, но пообещали: размолвок больше не будет.

В фойе, и без того шумном, вдруг раздались громкие восклицания, кого-то ловят, наконец поймали. Кто он? Это обнаружили того, кому вход был категорически воспрещен: разведенного! Непрошенного гостя твердо, но вежливо выдворили из клуба. И о нем тут же забыли за более интересным событием: начался концерт шахтерской самодеятельности.

А когда расходились по домам, сразу несколько пар подошли к Николаю Щадько — председателю Клуба занимательных встреч, секретарю комсомольской организации шахтоуправления № 5 — и попросили:

— Хорошо бы, чтоб эта встреча молодоженов не осталась единственной.

— Не останется! — ответил Николай.

И ему можно поверить: ведь он сам тоже молодожен.

Здесь демонстрируют новые моды.

▲ А на этой консультации мужчин не оказалось: видимо, они вполне доверяют вкусам своих жен.

▼ Как сервировать праздничный стол?

АГИТАТОР

Ю. КЛЕМАНОВ

Рисунки Е. ГУРОВА.

В коллектив агитаторов Леночка Мартынова попала, можно сказать, по своей инициативе. Когда Коля Хохлов, техник отдела благоустройства дорог, назначенный заместителем руководителя коллектива, заявил на собрании, что агитаторами от их отдела надо выдвинуть наиболее активных и, как он выразился, зрелых комсомольцев, Леночка вдруг встала и сказала:

— А я тоже зрелая. У меня аттестат есть.

И хотя докладчик недовольно передернул при этом плечами, решено было включить девушку в агитколлектив. Правда, предварительно надлежало с ней «поработать», но эта миссия, порученная тому же Хохлову, не представлялась чересчур обременительной: юная копировщица была так хороша собой, что нашлось бы немало и других желающих помочь ей встать на путь активной политической деятельности.

По настоянию Хохлова девушке, учитывая ее неопытность, дали самый «легкий» на участке дом: здесь жили в основном работники исполкома горсовета и горкома, а квартиру на втором этаже, вход со двора, занимал председатель горисполкома товарищ Добрицын. Он же, между прочим, был вновь выдвинут кандидатом в депутаты по этому избирательному округу.

— К нему можешь, конечно, не ходить,— разъяснил Лене еще в самом начале избирательной кампании Хохлов.— Впрочем, там еще и мать его проживает... Ей, пожалуй, надо будет напомнить. А то, знаешь, пожилой человек, склероз и всякое такое...

Но и Прасковья Михайловна Добрицына оказалась на редкость благодарным объектом. Не говоря уже о том, что она в числе первых избирателей своевременно пришла «провериться» на участок, у нее было такое замечательно вкусное варенье, что, по мнению Леночки, ни один агитатор не нашел бы в себе сил отказаться. Старушка неизменно потчевала своих посетителей этим вареньем.

Таким образом, все шло хорошо, и приближавшийся день выборов не сулил Леночке как агитатору никаких особых забот. Но вдруг стало известно, что к Добрицыну на побывку прибыл его родной брат из Москвы. И предусмотрительный Хохлов поручил Мартыновой «выяснить обстановку»: надо было узнать, совсем ли он переехал сюда или находится в командировке.

...Дверь открыл небритый мужчина лет сорока, в небрежно накинутой на плечи теплой пижаме, из-под которой виднелась голубоватая майка. Увидев перед собой Леночку, он растерянно отступил в глубь коридора и стыдливо запахнул пижаму.

— Здравствуйте, я агитатор! — сказала Леночка, входя.— А Прасковьи Михайловны нет дома?

— Она ушла в аптеку,— сказал незнакомец.— Но вы посидите, она скоро придет.

— Ничего,— бодро сказала Леночка, осваиваясь с полумраком коридора,— это я просто так спросила. А вообще-то я к вам.

— Ко мне?!

— Ага... Мне нужно с вами провести беседу.

— Как вы сказали?

— Ну, конечно, не обязательно беседу,— покраснела Леночка,— нет, все-таки... Скажите, вы тут у нас совсем останетесь или уедете?.. Если уезжаете, тогда другое дело.

— Гм... Странный вопрос,— с некоторым удивлением пробормотал приезжий.— Пока не собираюсь.

— Нет, вы, пожалуйста, оставайтесь,— гостеприимно заявила Леночка. Поняв, что совершила бестактность, она торопилась ее загладить: — Все-таки приятно голосовать за собственного брата, правда?

Избиратель внимательно посмотрел на девушку.

— Ничего,— согласился он после некоторой паузы. И вдруг засуетился: — Что же мы стоим тут, в темноте?.. Проходите, пожалуйста, в комнаты. А я сейчас вот только переоденусь, а то неудобно как-то...

— Ничего особенного,— веско сказала Леночка, входя в столовую.— Мой папа дома тоже всегда так ходит. Я привыкла.

Она обвела взглядом знакомую комнату, задержавшись на мгновение на зеркальной дверце буфета, и чинно села на край стула.

— А где ваш отец работает? — донесся голос из спальни.— Не в горкоме, случайно?

— Нет, в горсовете. Но он у нас не активный.

— Вот так так... Что-то вы не то говорите.

— Это не я говорю, а мама. Она ему все время твердит: «Если бы ты был поактивнее, нам давно бы уже квартиру дали. И вообще далеко бы пошел. При твоих данных».

— Так, так... Интересно!.. Ну, и что же он ей на это?

— А ничего. Смеется только. «Я и так,— говорит,— далеко хожу, каждый день туда и обратно». Все никак трамвайную линию до нашего района не протянут.

— Да? — Голос из спальни прозвучал несколько озабоченно.— Это до какого? До Заречного?

— Ага. А вы откуда знаете?

— Я тут, девушка, многое знаю,— сказал избиратель, выходя наконец в столовую. На нем был добротный темный пиджак, надетый на рубашку с вышитым белорусским орнаментом.— Ведь я все-таки... брат,— объяснил он, улыбнувшись.

— Ой, до чего же вы похожи! — встрепенулась Лена, впервые увидев лицо собеседника при нормальном свете.— Ну, прямо, как на портрете!.. У нас в агитпункте есть.

— Почему же мне быть непохожим? — спросил он и, помолчав, сказал серьезно: — Значит, говорите, жалуется народ, да? Плохо без трамвая?

— Ничего, построят... Мы это проходили.

— Что... проходили?

— План шестой пятилетки. В комсомольском кружке. А потом два часа отдельно про наш город было. Статью товарища Добрицына читали. И другие материалы.

— Гм... Где же это у вас так хорошо дело поставлено?

— В нашем отделе благоустройства.— Леночка вздохнула.— Только теперь хуже стало.

— Почему?

— А у нас начальник новый. Сверхурочные ввел. И вообще... Штурмовщина.

— Вот как?

— Ага. А раньше просто Евгений Иванович был, главный инженер. Больше года обязанности исполнял. Он хорошо дело знает.

— Гм... А новый, значит, плохо?

— Так ведь Евгений Иванович двадцать лет на этом деле сидит. А Сергея Петровича пятый раз уже перебрасывают. Вот и трудно ему научиться.

— Пожалуй,— согласился Леночкин собеседник. Нахмурившись, он вынул из кармана записную книжку и что-то пометил в ней.— Непорядок, это верно.

Леночка несколько озабоченно следила за движениями его карандаша. Потом, спохватившись, воскликнула:

— Какая я странная!.. Пришла вас агитировать, а сама... совсем не про то рассказываю.— И, входя наконец в свою роль, начала: — Товарищ Добрицын — очень хороший руководитель, под его непосредственным...

— Постой, постой! — перебил ее собеседник.— С чего же это видно, что он хороший?

— Господи! — искренне возмутилась Леночка.— Так ведь он же депутат! Уже третий раз избирается!

— Угу... А вот трамвай до сих пор не построил. И начальника к вам прислал, не разобравшись. А хорошего работника не приметил.

— Ну и что же! — сказала Леночка убежденно.— Просто он не может за всем уследить — вот и все.

— Должен, девушка, должен! — твердо сказал Добрицын-«младший».— А иначе и незачем его избирать.

Леночка чуть не задохнулась от возмущения. Никогда ей еще не попадался такой трудный избиратель. Но в этот момент щелкнул замок входной двери, и в комнате появилась Прасковья Михайловна.

— Коля! — всплеснула она руками.— Зачем ты встал?

А обращаясь к Леночке, сказала несколько суше, чем обычно:

— Здравствуй, агитатор! Чего больных-то тревожишь?

Леночкин собеседник смутился и послушно отошел к двери спальни.

— Надо же было открыть,— пробормотал он.

— Здравствуйте, — растерянно сказала Леночка, переводя взгляд то на него, то на нее.— Разве?..

Она не договорила, ужаснувшись своей мгновенно промелькнувшей догадке.

— Ой, как нехорошо получилось! — только и сказала она.

— Нехорошо, конечно, нехорошо! — продолжала ворчать Прасковья Михайловна.— Человек больной, температура тридцать восемь... А ты что стоишь? — напустилась она на сына.— В постель иди! Не для того тебе больничный лист выдали, чтобы с барышнями любезничать.

— Погоди, мать! — сказал Добрицын, озабоченно взглянув на Леночку: трудно было не заметить две светлые слезинки, предательски заблестевшие в ее глазах.— Вы меня извините, девушка...— пробормотал он.— Не хотел вас обидеть.

Лена сурово взглянула на него.

— Зачем же вы людей обманываете? — всхлипнула она.— Я к вам по делу, а вы...

И залилась горькими-горькими слезами.

Надо сказать, что с такой формой критики депутат Николай Павлович Добрицын столкнулся в своей практике первый раз; растерявшись, он суетливо заметался по комнате в поисках воды, и если бы не поспешившая на помощь Прасковья Михайловна, трудно сказать, как он вышел бы из положения.

— Ну, ну, ну,— говорила Прасковья Михайловна, обнимая Леночку за плечи.— Что ты так?.. Успокойся, милая... Он того и не стоит, чтобы из-за него так надрывались. Глупость какую выдумал — за брата себя выдавать!.. Петенька, тот никогда бы себе такого не позволил. Уехал сегодня, вызвали срочно.

Когда Леночка успокоилась, Добрицын сказал невесело:

— Вот видите, девушка, не такой уж я хороший... И в городе дела не блестящие,— добавил он, вздохнув.

Леночка задумалась.

— Ничего,— сказала она великодушно.— Я об этом случае никому не скажу. Но и вы больше никогда не обманывайте, ладно?

А так как Добрицын смотрел на нее как-то странно, поспешила его успокоить:

— Все равно я буду за вас агитировать.

Добрицын не улыбнулся.

— Спасибо,— сказал он просто.

Прасковья Михайловна, шумно вздохнув, вышла из комнаты.

— Только...— Леночка запнулась, но, покраснев, продолжала: — Насчет трамвая — это вы правильно говорили. И насчет спортплощадки тоже.

— Какой спортплощадки?

— Нашей. Мы ведь в волейбол, знаете, где играем? На дворе. Евгений Иванович обещал было пустырь за домом оборудовать, а теперь все «Заготовощу» отдали. Склады там будут строить.

— Правильно, было такое постановление,— пробормотал Добрицын и опять вынул блокнот из кармана.— Ну, а еще что?

— Ничего... Это я так, вообще. А еще: о нас, молодежи, у вас в горсовете совсем не думают. Да, да! А то бы давно уже стадион построили. И второе кино. За билетами в очереди приходится стоять. А лекций тоже мало проводят. И вообще начальство у нас никогда не бывает. Даже не знаем, какое оно.

Добрицын, усердно записывавший все это в блокнот, удивленно поднял голову.

— Как это... не знаете?

— Да так. Вот если бы вы, например, пришли к нам когда-нибудь на комсомольское собрание или доклад бы в клубе сделали,— осмелев, Леночка почувствовала хохловские нотки в своем голосе,— разве бы я ошиблась так, как сегодня?.. Я вас знала бы, правда ведь?

Добрицын с уважением посмотрел на нее и вдруг, положив блокнот обратно в карман, подошел к ней и сказал твердо:

— Будет все это, девушка, будет! Обещаю.— Он посмотрел ей прямо в глаза и улыбнулся.— Просто даже неудобно такого замечательного агитатора подводить.

Леночке очень хотелось бы, чтобы эти слова слышал ее наставник Коля Хохлов.

Но Хохлов сидел в агитпункте и в который уже раз просматривал списки избирателей: не остался ли кто-нибудь из них не охваченным работой агитколлектива?

Только против фамилии Добрицына Н. П. не стояло еще никакой пометки.

Воронуша

В тишине зимнего утра раздается карканье. С ветвей дуба сыплются хлопья снега. Медленно кружась в воздухе, падают на снег серые и черные перышки...

Птичья драка... Стая ворон дружно атакует ворону. По двору разносятся резкие, гортанные крики, мелькают крылья, птицы то взмывают вверх, то опускаются...

Вырвавшись из сердито галдящей стаи, жертва опускается на снег. Она тяжело дышит, клюв ее раскрыт.

Стая рассеивается. Но две вороны, видимо, более других одержимые воинственным пылом, садятся на снег рядом с пострадавшей. Та гневно каркает и, взмахнув крыльями, как вихрь, налетает на ближайшую.

Стая бросается на выручку. Крупной вороне снова приходится туго. Она взлетает на выступ у окна каменного здания. Расчет ее верен: врагов смущает близость человеческого жилья.

Однако самые смелые все ближе и ближе подлетают к окну. Ворона барабанит по стеклу толстым клювом. Ее призыв услышан. На крыльце появляется человек в кожаной куртке, и птицы разлетаются. Ворона садится на плечо своего спасителя.

Эту сценку недавно можно было наблюдать во дворе Биологического музея имени К. А. Тимирязева в Москве.

Крупная ворона — ее зовут Воронуша — попала сюда около полутора лет назад. Два мальчугана нашли под забором хрупкое тельце молодого вороненка; с ним, видимо, случилось что-то неладное. В музее птенцу оказали медицинскую помощь, выходили и передали в «живой уголок».

Вороненка поместили в одной вольере с бобрами. На сытных кормах он скоро окреп, вырос и превратился в большую, сильную ворону, полную «хозяйку» вольеры, любительницу строгого порядка. Звери перестали затевать между собой ссоры, опасаясь ее массивного клюва.

Но, видимо, «дисциплина» наскучила бобрам. Однажды они подрыли землю под металлической сеткой и разбежались. Ворона забеспокоилась, стала пронзительно каркать. Тревожные крики привлекли сотрудников музея. В поисках беглецов приняла участие и ворона. Обнаружив притаившегося зверька, она, подклевывая его, погнала к вольере. Удалось найти и остальных.

Но сама Воронуша облюбовала себе под жилье одно дерево. Шофер музея Н. И. Татаринов, живущий во флигеле, стал ее подкармливать, наливал воду в мисочку.

Зимой Николай Иванович перестал носить Воронуше воду, полагая, что она, как и ее соплеменницы, удовольствуется снегом.

— Однажды,— рассказывает Татаринов,— мы были разбужены сильным стуком в окно. Я оделся и вышел во двор. На крыльце — никого. Вдруг кто-то сильно дернул меня внизу за брюки. Летом так обычно делала Воронуша, когда хотела пить. Широко открыв дверь, я позвал птицу в дом. Склонив голову набок, она мелкими скачками последовала за мной. Зеленые глаза кота, лежавшего на коврике у кормушки, хищно блеснули. «Нужно спасать Воронушу»,— решил я и бросился к коту. Но ворона, взлетев, с размаху стукнула его клювом по голове. Испуганно фыркнув, кот заметался по комнате. А Воронуша опустилась у блюдечка и принялась уплетать кошачью трапезу — кусочки хлеба, вымоченные в молоке. С этого времени она сделалась моим частым гостем.

Жертвой боевого характера Воронуши стал и живущий в музее рыжий петух. Важно расхаживая по двору, он бдительно наблюдает за своей кормушкой. Однажды петух кинулся к своей «столовой», около которой увидел Воронушу. Она взлетела, опустилась на спину вспыльчивого петуха и принялась долбить его клювом.

Неудачи бывают у Воронуши только в схватках с соплеменницами. Они всегда налетают стаей,

и тогда приходится прибегать к защите Николая Ивановича. Птица привязалась к нему. Когда он отправляется в магазин, она сопровождает его, низко летая около головы, и терпеливо ожидает, сидя на заборе.

Повадки Воронуши иногда схожи с собачьими. У дома Татаринова стояла его машина. Приятель шофера решил посигналить, чтобы вызвать друга. Но только он взялся за дверцу машины, как с дерева камнем кинулась Воронуша и сорвала с него шапку. Птица носилась вокруг перепуганного человека, нанося ему удары клювом и крыльями. Он едва сумел скрыться в кабине. А ворона яростно долбила клювом смотровое стекло. Успокоило ее только появление Николая Ивановича.

С. КАНЦЛЕР

Фото Ал. Черняка.

Наступление А. Толуша

А. Толуш известен как противник ничьих, он предпочитает нокаутировать противника. Если уж и приходится ему заканчивать партию вничью, то лишь после больших осложнений. Так и 23-ходовая «перестрелка» А. Толуша с И. Болеславским, не давшая перевеса никому из них, волновала зрителей больше, чем иные результативные партии. Драматическим приключением завершилась встреча гроссмейстера с казанским мастером Р. Нежметдиновым. Казалось, Толуш уже мог записать очко в таблицу. Но вдруг на 95-м ходу он не заметил троекратного повторения позиции, что дало Р. Нежметдинову право зафиксировать ничью...

Возможно, что Р. Нежметдинов чувствовал себя немного «неловко», вынув пол-очка, как говорится, «прямо из кармана» Толуша, а в шестом туре он оказал ему помощь, победив лидера турнира М. Таля. Это дало возможность ленинградскому гроссмейстеру догнать рижского студента.

В шестом туре гроссмейстер А. Толуш встретился со своим старым знакомым В. Микенасом, который старше его на 13 дней. Это дало право гроссмейстеру после выигрыша им партии сделать шутливое заключение: «Молодость победила». Любопытно, что из 20 партий, сыгранных между ними, ни одна не закончилась вничью. В 21-й партии гроссмейстер превосходно провел трудное окончание и сломил упорное сопротивление литовского мастера.

Мы, конечно, не сомневаемся в хорошем воспитании нашей шахматной молодежи, которая знает, что «старикам везде у нас почет». Но за шахматной доской мы не привыкли к столь уж вежливому обращению. И если после первой половины турнира лидером чемпионата является представитель старшего поколения А. Толуш, то вежливость молодых здесь ни при чем. О, нет! Гроссмейстер добился успеха содержательной, предприимчивой, часто блестящей игрой. Конечно, до конца турнира еще далеко, но уже и сейчас можно сказать, что интереснее всех в чемпионате играет 47-летний А. Толуш.

Успех А. Толуша окрыляет многих шахматных ветеранов, и гроссмейстеры старшего поколения подают голос: «Оказывается, с нашей молодежью еще можно иметь дело, если говорить на энергичном языке А. Толуша».

После отличного старта М. Таль живет пока что старым запасом первых четырех туров. В период от пятого до десятого тура ему не удалось уже победить ни в одной партии. Он еще должен сказать спасибо А. Хасину, который в совершенно выигранном положении «зевнул» троекратное повторение позиции.

Д. Бронштейн после неудачного старта начал бороться в каждой партии. И. Болеславский и П. Керес ряд партий провели уж слишком безобидно. «Забывает» порой выиграть и М. Тайманов, хотя его никак нельзя упрекнуть в ничейной тактике. Дело в том, что каждый противник особенно упорно сопротивляется, играя с лидером или чемпионом. Ничего не поделаешь, в этом главное неудобство быть чемпионом...

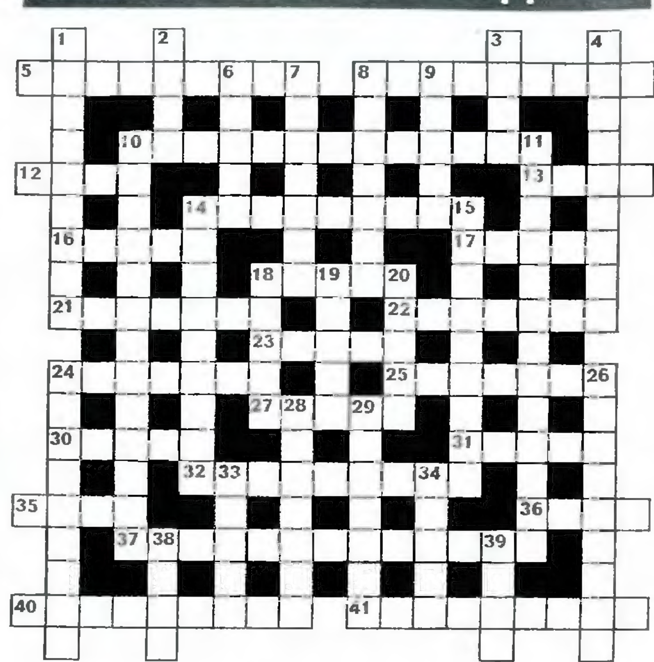
В момент, когда шахматный «хозяин» Москвы Т. Петросян занимал прекрасное турнирное положение, он огорчил поклонников происшествием, совершенно непохожим на него: в партии с Р. Холмовым чемпион Москвы позволил себе «зевнуть» мат в один ход. Активное участие в борьбе за лидерство принимает Б. Спасский.

А как мастера? Что чемпионом СССР будет гроссмейстер, в этом, пожалуй, уже сомнений нет. Другой вопрос, займет ли кто из мастеров второе место, что дает право на получение звания гроссмейстера: М. Таль находится в «гроссмейстерской зоне». Р. Холмов (наряду с А. Толушем он не имел ни одного проигрыша в десяти турах) также считает, что второе место его вполне устроит. Той же точки зрения придерживается и Л. Аронин — давнишний претендент на звание гроссмейстера.

У каждого участника чемпионата свои заботы, свои планы. Что же, время еще есть. Можно творить, можно выполнить и перевыполнить план!

Сало ФЛОР

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Чертежный прибор. 8. Вечнозеленое дерево. 10. Наука. 12. Город в Чехословакии. 13. Сухие долины в пустынях Африки и Аравии. 14. Центральное ядро Земли. 16. Система знаний. 17. Старинный музыкальный инструмент. 18. Животный мир. 21. Государство в Африке. 22. Военная операция. 23. Сражение. 24. Порт в Италии. 25. Оценка, разбор, обсуждение. 27. Парнокопытное животное. 30. Участок земли в дореволюционной деревне. 31. Персонаж комедии А. Н. Островского «Сердце не камень». 32. Документ. 35. Национальный герой французского народа. 36. Месяц. 37. Учебное заведение. 40. Негармоническое сочетание звуков. 41. Толкование.

По вертикали:

1. Название продуктового магазина. 2. Пространство между границами. 3. Промежуток времени. 4. Театральный жанр. 6. Город и порт в Югославии. 7. Промышленное предприятие. 8. Аппарат для воспроизведения звука. 9. Военнослужащий. 10. Вещество, занимающее промежуточное место между металлами и изоляторами. 11. Применение приспособлений, позволяющих осуществлять производственные процессы без непосредственного участия человека. 14. Музыкальное произведение. 15. Общепризнанное влияние. 18. Спутник Марса. 19. Опора моста. 20. Пенька для корабельных снастей. 24. Морское животное. 26. Сорт яблок. 28. Действующее лицо оперы Д. Верди «Аида». 29. Спортсмен. 33. Тонкие листы металла с рельефным орнаментом. 34. Дочь Тантала в античной мифологии. 38. Материал для оклейки стен. 39. Буква греческого алфавита.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

6. Регламентация. 8. Капсюль. 10. Мимика. 11. Стопор. 12. Рояль. 17. Протий. 18. Литера. 19. Луапула. 20. Мериме. 22. Нельма. 24. Броня. 26. Акцепт. 28. Монако. 29. Узбечка. 30. Склифосовский.

По вертикали:

1. Реквизит. 2. Илька. 3. Версия. 4. Вальс. 5. Пистолет. 7. Кибернетика. 9. Контрамарка. 13. Олеандр. 14. Лимузин. 15. Эйлер. 16. Фланг. 21. Издержки. 23. «Лоэнгрин». 25. Одесса. 27. Тупик. 28. Масса.

Китайские астры

В Кантоне недавно была проведена очередная выставка цветов. На ней экспонировались 120 различных видов астр и хризантем, которыми там славится Китай.

Привлекла внимание астра, на которой от одного стебля отпочковались одинаковые по форме, но различные по окраске цветы: сиреневый, белый, бордовый, розовый и желтый. У многих цветов один бутон имеет два резко отграниченных цвета.

Очень интересен экземпляр ранней желтой астры. Ее ствол диаметром около полутора сантиметров венчается конусообразной шапкой из 397 цветов, расположенных в 11 ярусов, прикрепленных к кольцам из проволоки. Каждый цветок поддерживается тонкой палочкой из бамбука. Общая высота шапки — около 60 сантиметров, диаметр ее — примерно 1 метр с четвертью. Выращен этот замечательный «куст» в провинции Гуандун.

В. ПЕТРОВ

Кантон, КНР.

Загадочные растения

— Какие интересные кактусы! — воскликнул мой приятель, взглянув на этот фотоснимок.

На самом же деле на нем изображен обледенелый кустарник.

Разгадка заключается в том, что рядом с кустарником проложен пульпопровод от земснаряда, который забирает грунт со дна Днепра и вместе с водой перекачивает его на намывную дамбу.

В месте соединения труб пульпопровода под давлением выбрасывалась струйка воды в виде водяной пыли. Ветром эта пыль относилась на кустарник и замерзла, образовав причудливый вид растения.

В. ПАВЛОВСКИЙ

Пос. Хрущев,
Кировоградской области.

Последняя пара досталась парочке.

Изошутка А. Зубова.

На вкладках этого номера: репродукции картин И. Е. Репина «Михаил Иванович Глинка», П. П. Джогина «Закат солнца», А. И. Морозова «Хозяйкины заботы», Л. В. Попова «Демьянова уха» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00719. Подписано к печати 7/II 1957 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 120. Заказ № 147.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ансамбль песни и пляски Ереванского шинного завода готовится к Всесоюзному фестивалю молодежи. Исполняется молодежная сюита. *На переднем плане:* начальник цеха вулканизации завода Мелик Гижиларян.

Фото В. Джейранова.

Цена номера 3 руб.